

КРИМИНАЛЬНАЯ КОМЕДИЯ В ЛУЧШИХ
ГОЛЛИВУДСКИХ ТРАДИЦИЯХ

АРИНА
ЦИМЕРИНГ
ОКСАНА
БАГРИЙ

ПРАВИЛА ВЫЖИВАНИЯ В ДЖАКАРТЕ

18+

Экшен-
комедия

МИОО

Арина Цимеринг
Оксана Багрий
Правила выживания
в Джакарте
Серия «Red Violet. Экшен-комедия»
Серия «МИФ Проза»

Текст предоставлен правообладателем
Правила выживания в Джакарте / Арина Цимеринг, Оксана Багрий:
Мани, Иванов и Фербер; Москва; 2023
ISBN 9785001699842

Аннотация

Гениальный мошенник Рид привык, что в любой момент все может пойти не по плану. Если во время полета на пассажирском боинге на высоте десяти тысяч метров над океаном ты узнаешь, что в аэропорту прибытия тебя ожидает смертельная западня – что ж, пора менять маршрут! Ну и что, что для этого придется угнать тот самый боинг?

Теперь самолет долетит только до Джакарты. Здесь по городу идет охота за идеальными долларовыми клише, у каждого священника есть по «Беретте», у каждой группировки – по претензии, а голову Рида жаждут заполучить все, кому он

однажды успел насолить. Но как быть, если насолить он успел абсолютно всем?

Придется провернуть кражу века. Обмануть самый могущественный криминальный картель. Заключить неожиданный союз. Прыгнуть с небоскреба, сдать в плен, выбраться из плена, украсть политика, причаститься – и очень постараться остаться при этом в живых.

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	36
Глава 3	83
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Арина Цимеринг, Оксана Багрий

Правила выживания в Джакарте

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

В тексте неоднократно упоминаются названия социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

© Цимеринг А., Багрий О., 2022

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

* * *

Яванское море

Церковь Святого Ласкано

Аэропорт Сукарно-Хатта

Дом Хитреца Мо

Отель

Китайский район (Гаванс)

Тангеранг

Территория Старших Сестричек

Джалан Джакса

Заброшенный завод

Частный аэропорт

ХАМАЙМА-ТУЭР

Гнездо

БЕКАСИ

Дом Чопинга

Особняк Ольберта Вакера

Мотель «Дафан Терекита»

Депок

ШТАБ Полицейских

XXX

Секретная служба США

- Маниша Бирч
- Эдгар Арройо
- Эллиот Кирихара
- Азис «Эйс» Джунед
- Николас Лейн

Мотоклуб «Коршуны»

- Арктика
- Глыба
- Левша
- Правша
- Голландец

- Ольверих Басир
- Девантора
- Сурья
- Чандер Раднаяма
- Лукман Перети
- Масло Сулпарман
- Куват

КАРТЕЛЬ ВОСХОДА

Особый отдел полиции Индонезии

- Юда Ваххаб
- Гема
- Иззат

Церковь Святого Ласкано

- + Шинидо Эчизен
- + Лестари
- + Салим
- + Нирмана
- + Андрей Шестакофр
- + Чинчу Шан «Иголка»

ЭЙДАН РИД

Чопинг

КОМАНДА БОРГЕСА

- Диего Боргес
- Зандли Таснем
- Серхио Лопес

Хитрец
МО

«Сенца Вольто»

- Вилермо Руссо
- ... и остальные

СТАРШИЕ СЕСТРИЧКИ

- Садао
- Алиса Шестакофр

Глава 1

– Я угнал самолет, – кается Рид. В голосе – ни единой ноты сожаления.

– Ты... что? – тупо переспрашивает Боргес.

– Вооруженный только одной зажигалкой, чувак.

И это самая настоящая правда, но начинается все, конечно, не с этого.

Серьезные ребята из «Сенца Вольто» выходят на Рида в Гааге, а окончательно настигают в Мельбурне.

Скажи года два назад, что эти бугаи загонят его на самый юг Австралии, Рид бы посмеялся. Постфактум все заканчивается почти хеппи-эндом: один из итальянских ослов, конечно, простреливает ему бутылку с газировкой в рюкзаке, но в итоге это совершенно не мешает Риду сесть на самолет вьетнамских авиалиний. Простой и гениальный план заключается в том, чтобы долететь до Ханоя, на северо-западе пересечь границу с Китаем, а там – хоть в Пекин, хоть в шаолинский монастырь.

Как и все слишком простые и недостаточно гениальные планы, этот тоже катится к чертям собачьим.

Когда Рид, вальяжно усевшись в экономклассе, уже собирается поинтересоваться у стюардессы, когда же обед, он видит итальянскую морду. Блядскую, блядскую итальянскую

морду. Как зовут этого парня, Рид не знает, хотя он стреляет по Риду уже полгода – пора бы и познакомиться.

Чуть позже блядская, блядская итальянская морда ловит его в кабинке туалета: просовывает ногу в щель прежде, чем Рид успевает закрыть дверь, заходит и искренне советует лететь по назначению.

– Ну-ну, дружище. За шесть часов полета наши как раз успеют подготовиться к твоему прилету и убери-руки-ублюдок...

Это последнее, что он успевает сказать, прежде чем Рид вырубает его прицельным ударом об ободок унитаза.

Двое уединившихся в туалете мужчин – повод для подозрений любого толка. Рид умывает лицо, переступает растекающуюся по полу лужу крови, крутит защелку на треть и выходит, сильно хлопая дверью, – сидящие в ближайших креслах пассажиры недовольно морщатся. Дергает ручку. Заперто.

Впереди маячит неотвратимый факт: в Ханое его ждут. Неважно, сами «Вольто» или нанятые ими головорезы-подрядчики, – Риду как-то без разницы, хотят его убить из чистой ненависти или из любви к деньгам. Он почти слышит треск: так рушится его надежда выйти из передряги красивым и целым.

Бортпроводница как раз везет свою чудодейственную тележку вдоль рядов – кажется, за светской болтовней с итальянцем он пропустил обед, – и Рид, опускаясь на место,

небрежно просит коньяк.

Коньяк должен сделать ситуацию лучше, но не делает, и прямая летная дорожка до Ханоя все еще кажется беспроектной жопой. У него есть минут десять, пока люди не начнут ломиться в туалет. Осознавая, как проходят секунды, Рид остро хочет закурить – оцените уровень отчаяния, если Рид не курит.

Когда на дне остается еще половина, он ставит стакан на столик. Боинг на триста с лишним человек – это не маршрутное такси. На пассажирских самолетах нет парашютов, а даже если бы и были, то от удара о воздух Рида бы разнесло на составляющие – и да, стоп, под ними Индийский океан.

«Очаровательно, – мрачно думает он. – Восхитительно».

Оружие перед проверкой пришлось выкинуть: металлодетектор нужно было пройти максимально быстро и безболезненно. Рид не имеет обыкновения привязываться к вещам, хотя за пару классных «Глоков»-близнецов было обидно. Впрочем, даже они не помогли бы по прибытии в аэропорт, набитый мудаками из «Вольто».

Сейчас из оружия у Рида есть только трофейная, в форме пистолета Стечкина, зажигалка с гравировкой гвоздем по пластмассе: «Э. от Д., береги свой зад». С помощью нее можно уничтожить разве что парочку сигарет, да и ребята из «Вольто» точно в курсе, как выглядит настоящий огнестрел, – ничем ему эта зажигалка сейчас не поможет.

С этой ерундой разве только самолет, полный граждан-

ских, захватывать.

Самолет.

Полный гражданских.

Черт побери, он и правда об этом подумал?

Зажигалка во внутреннем кармане впиивается в ребро, когда Рид отворачивается к иллюминатору, чтобы спрятать от сидящей рядом полной австралийки подозрительный блеск в глазах.

Он правда об этом подумал.

Все простые и гениальные планы Эйдана Рида обычно летят по кочкам со скоростью болида «Формулы-1». А этот план такой сложный и такой тупой, что, в принципе, может и сработать.

Рид нащупывает зажигалку и встает медленно, будто бы давая себе шанс передумать, метеориту – врезаться в самолет, катастрофе – произойти и чему-то из вышеперечисленного остановить его, но ничего не происходит. Только австралийка рядом, смуглая, с разгладившимися от лишнего веса морщинами, смотрит на него испуганно-настороженным взглядом.

– Расслабьтесь, – говорит ей на английском Рид. – Не нужно ни о чем переживать.

И залпом опрокидывает в себя коньяк.

Идущая мимо стюардесса оборачивается: синяя пилотка у нее на голове чуть-чуть сбилась набок, а взгляд выжидающий. Так разглядывают пьяных пассажиров, которые вот-

вот начнут буянить. И это очень вовремя, потому что он салютует ей стаканом:

– Дамочка, отведите меня к старшей бортпроводнице, я намерен жаловаться на это отвратительное пойло.

И дальше уже ничто не идет нормально.

* * *

– Нужно было убить тебя прямо в туалете! – брызжет слюной итальянская морда.

– Вот так? – предполагает Рид, трижды ударяя его головой о дверь. Прямо по свежей ране. Бить этого парня о твердые поверхности становится приятной традицией.

И:

– Я слежу за вами! – орет Рид через плечо вжавшимся в спинки кресел пилотам. – Не вздумайте ничего делать! А ты, – это снова итальянцу, – даже не пытайся стащить мой пистолет, ублюдок!

И:

– А как тебя зовут, кстати?

А еще:

– Эта штука стреляет, Альберто, серьезно, эта штука стреляет!

И эта штука правда стреляет.

За тридцать два года жизни Рид усваивает одно правило: главный – тот, кто может прострелить тебе голову. С того

момента как он, вооруженный пластмассовой зажигалкой, обезоруживает командира экипажа и забирает у него нормальный «Вальтер», проходит полчаса. Расстановка сил меняется, и угадайте, кто теперь здесь самый крутой парень.

Рид может только догадываться, но, скорее всего, дело было так: очухавшись в туалете, его новый знакомый Альберто не обнаружил Рида смиренно ждущим своей судьбы на месте С18 и пошел тем же путем – разве что более окровавленный и менее симпатичный. То есть остановил старшую бортпроводницу, угрозами заставил ввести код в кабину пилотов, а потом...

У Рида нормальный «Вальтер» с патронами среднего калибра. Самый крутой парень – это тот, кто может прострелить тебе голову.

Ранение оказывается слепым, кровь вытекает ровной дорожкой из дыры во лбу, Рид пинает тело к стене, стараясь не испачкать ботинки, и говорит пилотам, не оборачиваясь:

– Я знаю, чем вы там занимались. Я все видел.

Ничего он не видел. Только предполагает. Нужно быть совсем уж кретином, чтобы не настучать, пока угрожающий тебе пистолетом мудака, приказавший перенаправить самолет в Хошимин, отвлекся, – окажись Рид на их месте, так бы и поступил.

Он добавляет, видя напряженный профиль обернувшегося командира экипажа и не менее напряженный затылок его помощника:

– Так что теперь мы снова меняем курс.

Стены мерно гудят, за широким окном над приборной панелью – утопический пейзаж из белых облаков. Второй пилот зажимает рот рукой, пытается подорваться с места, но Рид с силой усаживает его за плечо обратно.

– Ты никуда не пойдешь, блюй в окно.

Конечно, последнее, чего хотелось бы, – чтобы, кроме валяющегося в углу трупа, здесь еще и воняло рвотой, но ни выходить самому, ни выпускать кого-либо Рид не намерен. Нет, спасибо. Последний раз, когда эта дверь открывалась, сюда вломился его новый мертвый друг Альберто, чуть не задушил его голыми руками и чуть не пристрелил выбитым из рук «Вальтером». В довесок, скорее всего, пилоты умудрились растрепать, куда нарисовавшийся на борту захватчик приказал перенаправить самолет, и поэтому:

– Слышали? Меняем курс! Бангкок? – тут же предлагает альтернативу он.

Или, например:

– Пномпень?

Второй пилот, видимо, борется с очередным приступом тошноты; господа напряженно молчат. Боже, ну убил он на их глазах человека, с кем не бывает? Рид слегка закипает, но виду не подает. Его цель – попасть в какой-нибудь средних размеров город и затеряться там. Желательно где-то на континенте, желательно, чтобы там его никто не хотел убить.

– Ребят, кто здесь главный: я или вы? Почему я все должен делать за вас?

Рид кладет руки на оба кресла: на спинку одного ставит взмокшую ладонь, во второе упирается кулаком, сжимающим пистолет, – и закатывает глаза.

– Мы можем сесть в Дананге, – натянутым голосом предлагает второй пилот, шумно сглатывая.

– Это Вьетнам? – переспрашивает Рид. Нет, спасибо, во Вьетнаме его с нетерпением ждет «Вольто», идем дальше. – Не стоит. Еще варианты?

– Куала-Лумпур?

– Ну нет.

– Мактан?

– Замечательно, а это, блять, вообще где?

Оказывается, на Филиппинах.

Филиппины идут вразрез с планом «затеряться на континенте»; можно, но нежелательно. Из плюсов: там он был один раз, лет в девятнадцать, и тогда у окружающих еще не было привычки, увидев его, сразу начинать стрелять.

Рид с сомнением качает головой, а когда понимает, что пилоты все еще боятся на него смотреть, говорит вслух:

– Так себе идеяка.

– Мандалай. Хотя... – Второй пилот смотрит на какие-то показатели на панели перед собой. – Нет, мы не долетим.

И хорошо: мандалайским группировкам он не нравится. После инцидента в две тысячи седьмом они стреляют в каж-

дого, кто похож на Рида, а потом уже уточняют, он ли это был вообще. Так что с этим «не долетим» никто особо ничего не теряет. Ну кроме того счастливчика, который мог бы сорвать обещанные за голову Рида сорок миллионов кьятов.

– Ну а до чего долетим? – деловито интересуется он, взглядом бегая по приборной панели.

Не будь он в этой ситуации доморощенным террористом, с интересом бы поспрашивал, на хрена тут все эти горящие кнопки: в кабине пилота настоящего боинга он впервые.

Командир экипажа (тот, что постарше помощника и не потеет от страха так сильно) смотрит на Рида взглядом, в котором читается: «В следующий раз думай, прежде чем захватывать самолет», а потом скрепя сердце предлагает:

– Ближе всего будет сесть в Индонезии.

С одной стороны, Индонезия – это шикарная идея; где-то на Яве его старый дружище Диего Боргес со своими ребятами как раз выполняет поручение очередного зажавшегося толстосума. Зандли – напарница Боргеса, маленькая женщина с большим дробовиком, – конечно, отвесит Риду на орехи, но они уж точно смогут вытащить его из этого дерьма.

– И какие у вас идеи насчет Индонезии? – он до сих пор не уверен, что реально готов на это пойти и что задает вопрос вслух.

С одной стороны, Индонезия – это шикарно, ведь там Боргес. С другой стороны, Индонезия – это, ну, *Индонезия*.

– Медан? – деревянным голосом предлагает командир,

бликуя блестящим от пота лбом.

– Слишком далеко на запад.

Увы.

– Пеканбару? – влезает второй пилот.

– Там вообще есть аэропорт? Нет, спасибо.

Спустя полминуты молчания звучит:

– Оптимальный вариант – Джакарта.

«Ох, как же без этого, действительно», – дерзко думает

Рид про себя.

– Джакарта? – слабым голосом переспрашивает Рид вслух.

– Джакарта.

Это очень, очень плохая идея. На самом деле, это худшая идея из всех предложенных! Рид массирует переносицу свободной рукой, а потом несколько более жалобным, чем может позволить себе захватчик самолета, голосом тянет:

– Но мне нельзя в Джакарту!

Командир раздраженно – Рид бы разделял его возмущение в любой другой ситуации – разворачивается и спрашивает:

– Почему?! – Во взгляде читается: «Боже, как же ты достал».

Рид с ним согласен: мужик, ты бы знал, как меня самого это задолбало.

– Эй, не смотрите на меня так, – уныло хмыкает он и думает: «Кто захватчик? Ты захватчик. Кто всем наподдаст?»

Ты всем наподдашь». – Сколько до нее лететь? Час? Ладно, у вас работает эта штука для телефонной связи? Мне нужно позвонить.

Штука, как оказывается, работает.

– Бо, это я, – начинает Рид.

– Так это *ты*? – взвинченно переспрашивает запыхавшийся Боргес. На заднем плане слышится треск, визг и недовольный вскрик.

– Нет, это не я, – тут же отрицает Рид, чувствуя, что может опять оказаться в чем-то виноват.

Боргес начинает сердиться:

– Братан, так ты это или не ты?

– Ну, вот то, что у тебя, – это не я. А здесь – это я.

И за что Рид всегда невероятно ценил и ценит Боргеса, так это за:

– А, ну тогда круто. – Вот за такое вот. – Тогда что случилось-то, амиго?

– Давай на секунду, вот чисто гипотетически представим, что я через час буду в аэропорту в Джакарте...

– Братан, – недоуменно прерывает его Боргес. – Братан, тебе же нельзя в Джакарту.

Рид едва удерживается от того, чтобы длинно и тоскливо вздохнуть: было бы неплохо обсудить что-то, чего он не знает, окей?

– Расскажи мне об этом поподробнее, – ворчит он, потому что да кто в этой части Азии не знает о том, что Риду нель-

зя в Джакарту? Хотя, по правде говоря, у него нет выбора. А теперь скажи это вслух и сожги все мосты для отступления. – У меня нет выбора.

– Где ты вообще сейчас?

– Секундочку. – Рид наклоняется между сиденьями пилотов и шепотом уточняет: – Ребят, а где мы сейчас?

– Пролетаем над Ямденой, – сглатывает все тот же младший пилот и косится на пистолет в руке Рида, которым он облакачивается на его кресло.

– Ямдена, – сообщает тот в трубку. – Ты знаешь, где это?

– В душе не ебу.

– Ну вот, я в десяти километрах над этой фигней.

– Что ты там делаешь? И... ты что, в самолете?

Вопли на заднем плане внезапно идентифицируются как крайне недовольный Салим – *Салим*? Откуда рядом с Боргесом *Салим*? Салим – часть иного круга общения Рида, и слышать их рядом друг с другом как минимум удивительно. Ладно, это потом.

У него уходит некоторое время, чтобы все-таки решиться резать правду-матку, и в итоге:

– Я угнал самолет, – кается Рид. В голосе – ни единой ноты сожаления.

И вот тогда происходит этот легендарный диалог.

– Ты... что? – тупо переспрашивает Боргес.

– Вооруженный только одной зажигалкой, чувак.

– Ладно, брат... – голосом «это ни черта не ладно!» го-

ворит Боргес. – Смотри, я правильно понял? Ты угнал самолет. – «Он сделал что?!» – слышится на заднем плане. – И через час собираешься приземлиться в Джакарте... – «Он собирается приземлиться где?!» – На этом самом угнанном самолете?

Салиму бы травки попить, чего он так нервничает-то. Рид решает не давать этим крикам омрачить свою радость:

– Ты у меня всегда был умненьким!

– И тебя надо встретить и вырвать из оцепления, куда нагонят всех наших местных копов?

– Если не национальную гвардию, – косится Рид на пилотов. – В общем, через час. Аэропорт, куча полиции, перестрелка, возможность получить пару огнестрельных. Нормально?

– Отлично!

И, отключая телефон, Рид понимает, что вот это тоже ни хрена не нормально и ни хрена не отлично.

Через каких-то несчастных шестьдесят минут он окажется в городе, где не был уже три года, с радостью не появлялся бы еще лет двадцать и где его знает каждая собака.

Более того, где эта каждая собака хочет его убить.

* * *

– Вы запомните этот день! День, когда вы чуть не поймали капитана Джека Воробья! – в следующий момент Рид метко

ни в кого не попадает и ныряет обратно за шасси самолета.

– Залезай, блять, в машину! – Салим стреляет по охранникам, как по мишеням в тире, а потом прячется за черный пуленепробиваемый минивэн.

Ты лучше скажи, что ты здесь делаешь, а не ругайся попусту.

Не то чтобы прямо сейчас Рид против – Рид только за, он не собирается смотреть в зубы дареному коню, но «плюс один» на вечеринку от Боргеса превращается в «приведи всех, кого знаешь, а кого не знаешь, с теми познакомься и приведи». Просто какая-то команда спасения капитана Эйдана Рида из лап офицеров британского флота.

Несмотря на церковную сутану, Салим не похож на того, кто будет тебя спасать. Смуглый, мрачный, маленький, словно школьник, он стреляет по охране с таким выражением лица, будто с радостью сдал бы взрослым Рида прямо сейчас, – и вряд ли это далеко от правды.

– Как насчет поторопиться, идиот?

А это уже Зандли, та самая маленькая женщина с большим дробовиком, сидящая метрах в двадцати по взлетно-посадочной полосе, спрятавшись за ярко-оранжевым автомобилем техобслуживания.

Минивэн команды спасения стоит прямо между ними. Это уютное укрытие для Салима, который недовольно перезаряжается. Риду перезаряжаться нечем: у «Вальтера» магазин на десять патронов, из которых он успевает потра-

тить все.

Через переднее стекло минивэна на него неотрывно смотрит бронзовое лицо Нирманы, обрамленное белоснежным апостольником, во взгляде которой так и читается: «Как же тебе должно быть стыдно». И даже не моргает, мерзавка. До поры до времени Рид предпочитает игнорировать ее недовольство, тем более ему есть на что отвлечься. Боргес, мелькая над толпой своей бритой макушкой, на пару со штурмовкой вносит разлад в стройные ряды местной охраны, а крошечный Салим расстреливает полицейских метко, как победитель соревнований по стрельбе на симуляторе зомби-апокалипсиса.

И это все было бы похоже на сцену из крутого боевика, если бы не:

– Что у тебя с прической, придурок? – небрежно бросает Зандли, отточенным жестом засовывая новую обойму в свою обклеенную стикерами пушку и даже не оборачиваясь на Рида. Ее выкрашенные в неоновую-оранжевый дреды – отличная мишень для стрельбы, но охране аэропорта это не помогает, а ее ни капли не беспокоит. – Ты выглядишь еще отвратительнее, чем раньше.

Она высовывается из укрытия, выпуская половину магазина в парня, пытавшегося напасть на Боргеса со спины. Вот уж кому повезло с ангелом-хранителем.

– Мы можем обсудить это не сейчас? – настойчиво кричит ей Рид, пытаясь переорать пальбу и чужие ругательства.

– Стащил мамины бигуди из будуара? – все равно не отстает Зандли.

– Рид, быстро залезай, иначе я сам тебя пристрелю! – Салим отодвигает дверь минивэна со своей стороны и юрко забирается внутрь – только пола сутаны мелькнула.

Команда спасения капитана Эйдана Рида из лап офицеров британского флота?

Команда доведения капитана Эйдана Рида до самоубийства.

Машина сдает назад, и это, похоже, очень хороший шанс. Рид накрывает голову руками (*будто бы это поможет*), сгибается в три погибели (*это ни хрена не поможет*) и бежит со всех ног (*ему уже вообще ничего не поможет*), пока не влетает на второй ряд минивэна. Внутри он растягивается на сиденьях лицом вверх – только ноги в открытую дверь торчат, – а в это время в окно над головой с треском впечатываются пули.

– Нирмана, давай! – командует Салим, автомобиль резко трогается, и Рида сверху придавливает забравшаяся следом Зандли, сгибая ему колени. – Забирай Боргеса – и валим отсюда!

Кажется, Нирмана кого-то сбивает.

– Боже, вблизи эта ошибка парикмахера выглядит еще хуже, – пытаюсь отдышаться, довольно улыбается Зандли.

Рид – взрослый человек, он не будет оправдываться.

– Эй, она отвлекает внимание от моего лица! – не оправ-

дывается он, пытаясь выдернуть из-под нее свои ноги. – Когда ты в бегах, это важно, ты в курсе, подружка?

В ухмылке Зандли прячется ироничное «ну-ну, дружок».

Салим занят перезарядкой «Беретты» и своей малодушной ненавистью: Рид чувствует его тяжелый взгляд, продолжая плашмя лежать на сиденье. Машину пару раз швыряет, а град пуль по корпусу отбивает что-то среднее между музыкой из «Шоу Бенни Хилла» и похоронным маршем. Для Рида это все равно передышка. Ему нужна пара секунд, чтобы рассмотреть обтянутый серым покрытием потолок и успокоиться.

Он, конечно, не расслабится, пока в тачке не окажется Боргес, добивающий последнего, пока они не сбросят охрану с хвоста, пока Салим не перестанет на него смотреть, пока не смоются в безопасное место, пока он не пересечет Тихий океан вплавь и не окажется снова подальше отсюда... В общем, он, конечно, не расслабится.

Боргес влетает на переднее сиденье на ходу – и машина резко прибавляет скорость. Это минивэн, в котором второй и третий ряды смотрят друг на друга, поэтому от малейших виражей Рид, Зандли, Салим и еще какой-то пацан начинают лететь друг на друга.

– Давай-давай! Погнали! – Боргес хлопает себя по коленям, дергает Нирману за монашескую сутану, суетливо вертится и оборачивается. – Блин, круто! Как мы их!

– Прекрати вертеться, ты мешаешь, – угрожающе спокой-

но произносит та и жмет на газ так, что Рид чуть не слетает в проход. Тогда-то он и решает сесть.

– Салим, поменяйся с Андреем местами, я из-за его головы ничего не вижу, – говорит Нирмана, а потом резко дает влево, и Рид влетает головой в крепление ремня безопасности.

Самая стремительная монашка в Юго-Восточной Азии.

Зандли падает на Рида, остальные на заднем сиденье складываются в бутерброд, а Боргес снова хватается Нирману за локоть.

И Нирмане это явно не нравится.

– Если ты не прекратишь, я вырежу тебе кадык.

А теперь еще и самая опасная монашка в Юго-Восточной Азии.

Вообще Нирмана всегда отличалась спокойствием автора пособия по контролю над гневом, но никогда не брезговала насилием. Особенно в экстремальных ситуациях. И если петляние среди мелких самолетов и обслуживающей техники под аккомпанемент пуль не экстремальная ситуация, то Рид решительно ничего не понимает в экстремальных ситуациях.

– Андрей, сядь на место Салима, я сказала, – гнет свою линию она, и спасибо ей большое за это: Рид с радостью посмотрит, как Салим и какой-то высокий пацан в сутане поменяются местами на полной скорости, стараясь не спутаться в человеческую многоножку. – Ты мне загораживаешь обзор. Живее.

Машину сильно встряхивает, когда они заскакивают на бордюр, прокатываются по поваленной при въезде рабнице и выезжают на травяное покрытие. Метрах в ста от них дорога, ведущая в город, и это был бы путь на свободу – если бы не накрывшая их сирена.

– Боже, ну не-е-ет, – Зандли звучит точь-в-точь как девушка, которой на свидании подарили черный пулемет «Бизон» вместо розового.

– Твою мать, Рид! – Салим недоволен вполне обоснованно – звук полицейской сирены расстроит кого угодно, – но Рид хочет оспорить свою фамилию в конце восклицания.

Это скорее «твою мать, погоня», или «твою мать, копы», или «твою мать, полицейские “Форды”» – а он здесь вообще не при делах.

– Нирмана, сможешь оторваться?

– С вероятностью процентов в шестьдесят, – бормочет себе под нос та и выжимает из этой машины, кажется, больше, чем в нее закладывали производители. Пригородные тропики за окном смазываются в сплошную ярко-зеленую полосу. – Но мой оклад этого не покрывает.

Боргес, которого, кажется, наличие погони только радует, хочет ударить ее кулаком по плечу, но в последний момент успевает опомниться и просто подбадривает:

– У тебя все получится, я в тебя верю!

– У меня все получится, если ты прекратишь размахивать руками, – мрачно предупреждает она. – Салим, или ты наги-

баешь Андрею голову, или вы пересаживаетесь. Последний раз говорю.

– Господи, просто отстань! – орет на нее Салим. – Андрей, опусти голову!

– Пак Салим, может, лучше поменяемся местами? Вы же маленького роста, Нирмане будет лучше видно. – Рид от этого аж оборачивается, сомневаясь, не ослышался ли он.

Господи, он – кто бы этот пацан вообще ни был – это сказал. Он правда это сказал! Проехался по росту Салима прямо в его присутствии! Восхитительная тяга к самоубийству просыпается в том третьем теле на заднем сиденье – незнакомом мальчишке лет двадцати от роду, возмутительно арийской внешности, в длинной сутане со сбившимся воротничком. На аэродроме Рид его не видел, значит, всю стрельбу он просидел здесь.

Салим тем временем тянется к шее забившегося в угол парня, но в этот момент машина снова виляет, и поднывавшая было Зандли валится назад, на них, поэтому Салиму остается только ее пихнуть:

– А ну, дай я пролезу и задушу этого засранца!

– Но вы не из-за меня такой ма... Ай!

– Обожаю, – заявляет Рид, разворачиваясь уже целиком, чтобы не пропустить ни одного жеста из игры актеров в этом представлении. – На секунду аж порадовался, что вернулся.

– Если бы ты не вернулся... – начинает Салим, перелезая через Зандли и, судя по шипению, случайно заезжая той

локтем промеж ребер. – Отвали, я случайно. Андрей, не пинай меня! Так вот, если бы ты не вер...

– Вы лезете, чтобы ударить меня, почему я не должен защищаться?

– Андрей, заткнись!

Боргес становится коленями на кресло и, положив руки на спинку, хохочет. Зандли, закатывая глаза, выбирается из кучи-малы, Нирмана угрожающе молчит, а когда Андрея таки сдвигают в сторону, становятся видны сияющие праздничными огнями крыши нескольких полицейских машин.

– Андрей, прекрати брыкаться, Рид, придурок, прекрати ржать... – И тут, бросая взгляд на Рида, Салим меняется в лице и перестает пинать белобрысого пацана. Пацан пользуется моментом, отодвигается как можно дальше и прижимается лицом к окну.

– Что это? – спрашивает отвлекшийся Салим, поднимая бровь.

– Где? – спрашивает Рид, поднимая бровь в ответ.

– У тебя. На голове.

Боже, только не снова. Кажется, к концу первого дня пребывания здесь, если их всех не посадят, Рид набьет себе на лбу что-нибудь типа «Отвалите, это мои волосы».

– Моя прическа, – как маленькому, отвечает Рид.

Желтый кружок в небе – солнышко, Нирмана только что подрезала машинку, а у Рида на голове – волосы, которые выглядят *нормально*.

– Это вертолет? – неожиданно спрашивает пацан.

– Это моя прическа, – продолжает стоять на своем Рид.

– Нет, правда, это вертолет. – И парень тычет куда-то в небо, чуть ли не расплющивая нос о стекло.

Несколько секунд в машине царит тишина, и тогда становится понятно, что на самом деле за пределами машины ни хрена не тихо. И дело не в свистящей под колесами дороге, не в полицейской сирене и не в возмущенных сигналах подрезанных водителей, хотя все это создает мелодичную какофонию погони. Где-то вверху шелестят огромные лопасти и даже кто-то что-то вещает через громкоговоритель.

– Это правда вертолет! – восторженно восклицает Боргес.

Рид оборачивается, чтобы ему подмигнуть.

– Все для тебя, Бо.

– Рид, заткнись, – говорит Нирмана, окончательно превращая автомобиль в реактивное средство для группового суицида: Рид чувствует, как его вжимает в сиденье, – это серьезно, твою мать.

А то он не в курсе.

Все эти шутки призваны скрыть одну простую истину: они в дерьме.

* * *

Первую машину они меняют буквально через несколько

минут: Нирмана тормозит где-то у границы южных районов, они вылетают на улицу и бегут, отстреливаясь от тормозящих полицейских «Фордов». Где-то вверху шумит вертолет, но Рид даже не поднимает голову, потому что знает: они в трупобах.

У Салима, как обычно, все продумано, и они вереницей пробираются по узкой улочке к другой тачке. Пока он несется вслед за всеми, в голове одно за другим всплывают воспоминания. Люмьеровская пленка вспыхивает в голове вместе со знакомыми ощущениями и голосами.

Перестрелка в маленьком кинотеатре; пьяные музыкальные ночи в «Королеве Елизавете»; труп белой девчонки на железнодорожных путях; темный силуэт католического креста на фоне закатного неба; поножовщина в Джалан Джаксе и влажное хлюпанье, с которым лезвие выходит из груди; уличные торговцы в соломенных шляпах и ворох глазастых пластиковых браслетов по шесть тысяч рупий; рис с карри на площади Кота Туа; смуглая проститутка в льняных шароварах с мягкими ладонями; церковные авто с дорогими кожаными сиденьями; какофония пробки на узких улицах Старого города; индийская еда, выжигающая глотку, в забегаловке Большого Джи; открытая сигаретная пачка и прозрачная, хрустящая упаковка кокаина на жертвеннике под статуей Иисуса Христа; Нирмана, рассеянно подкидывающая в руке гильзу; захламленная квартира в самой южной части Тхамрина, с самой большой ванной, которая когда-ли-

бо была у Рида; Церковь; снова Церковь.

Нирмана газует, едва Рид успевает захлопнуть дверцу.

«Тойота-Прадо», естественно, меньше минивэна, но у нее стандартно большой для джипов багажник, который по принципу «в тесноте, да не в обиде» можно укомплектовать двумя огромными мужиками. В результате Рид и Боргес оказываются отгорожены от остального салона задними сиденьями.

– Нам нужно на Препедан, – командует Салим. Потом уточняет: – Боргес? Верно?

Тот кивает, поудобнее устраивая задницу в огромном запасном колесе, будто в надувном круге среди бассейна, – только коктейля не хватает.

– Да, Лопес должен был оставить машину там. Ну, где перекресток со съездом в парк. В большом таком складе со стройматериалами.

– А поточнее адреса нет? – осведомляется Салим таким мерзким голосом, что Риду, откидывающему грязные тряпки в дальний угол багажника, хочется бросить одной из них ему в затылок, чтобы не говорил с Малышом Бо (рост за метр восемьдесят, обхват бицухи под пятьдесят сантиметров) таким тоном.

– На этой улице половина зданий выглядит как склады, – цедит Нирмана, выезжая на трассу.

– Эй, у меня все схвачено, у меня есть скрин из Гугл-карт! – хмурит кустистые брови Боргес, достает из брюк те-

лефон и протягивает его вперед. – Зандли, детка, передай, пожалуйста.

Рид несколько секунд сомневается, что им правда удастся оторваться: полицейские машины уже без сирены вылетают следом с другого заезда, но потом половина из них сворачивает в сторону окраины, а шумящий где-то справа вертолет, наоборот, берет курс на центр.

Зандли передает телефон с картой Салиму, тот смотрит и кивает:

– Меняем машину и едем в Церковь.

Черт.

– Думаю, старику очень захочется поговорить с тобой, Рид. Он как раз возвращается.

Черт!

– Откуда возвращается? – спрашивает Рид.

– Не твое дело, – припечатывает Салим. – Молись, чтобы он тебя не пристрелил.

– Или хотя бы не узнал, – прыскает Боргес.

– Во-первых, молиться – это по вашей части, святой отец, а во-вторых, Бо, – Рид оборачивается и строго на него смотрит, – у меня нормальная прическа.

– Да я не об этом, нормальная у тебя... – Он замолкает и смотрит несколько секунд, а потом скорбно признается: – Это ужасно, дружище. Прости, но это правда ужасно.

Зандли прыскает и оборачивается – на симпатичном черном личике написано вертикально и поперек огромными

буквами «Я же говорила».

Дорога до Препедана будет длинной.

* * *

Некоторое время они едут в относительной тишине, только Зандли шуршит оберткой от чего-то съестного, Салим с Нирманой вполголоса обсуждают план действий, а белобрысый пацан, имя которого Рида волнует недостаточно, чтобы его запоминать, периодически задает вопросы в духе «Мам, мам, а что это?», дергая Салима за рукав. В какой-то момент Нирмана включает радио.

– ...И к другим новостям. Свадьба Гунтера Перкасы, сына политика Гемы Пертиви, пройдет в резиденции семьи на озере Ситупатеннганг. На празднование приглашены более пятисот человек, все желающие могут...

– Что? – спрашивает она, когда все начинают поглядывать на нее через зеркальце заднего вида. – Не смотрите на меня так. Я не могу ехать в тишине.

Препедан – концентрированная Джакарта. Рид не чувствует ностальгического надрыва: этот город – не то место, по которому можно скучать, но, глядя на ржавый сайдинг маленьких домов, на разрисованные когда-то белые заборы, на граффити, которые перечеркивают другие граффити, на стоящие по обочинам впритык друг к дружке мопеды, Рид ощущает, как его накрывает узнаванием, хотя, возможно, он

ни разу и не был именно в этой части Препедана. Вся Джакарта выглядит именно так: будто собранный из найденного под ногами мусора муравейник.

– Тормози, нам сюда, – Салим тычет в правый край лобового стекла.

Рид снова привстает. Точка назначения выделяется среди остальных домов высокой шиферной крышей и стенами, облицованными кусками гофрированного металла, – ни с чем не перепутаешь.

– Это самая жалкая машина в моей жизни, – бурчит себе под нос Салим, когда какой-то мужик в рабочем комбинезоне быстро проводит их к очередной машине.

Самая жалкая машина в жизни Салима оказывается очередным минивэном – на этот раз облезлым, с пробивающимся из-под охровой краски грязно-голубым цветом, с наклейками туристической фирмы и вмятиной там, где должна быть задняя левая фара.

Нирмана, в своем монашеском облачении, двумя пальцами тушит окурочек, над чем-то смеется вместе с мужиком в комбинезоне, пожимает ему руку и бросает им:

– Пора.

Пока они усаживаются, Рид по-джентльменски говорит Зандли: «Дамы вперед», и в отместку за это она отдавливает ему ноги, пролезая в салон.

До Церкви, стоящей к юго-востоку на отшибе, около полчаса езды. За бортом сгущаются сумерки, копов на гори-

зонте не наблюдается – ничто не предвещает беды. Но когда минивэн останавливается на светофоре, Салим говорит:

– А сейчас, Рид, нам нужно кое-что обсудить.

На этот раз тот сидит на заднем ряду с Боргесом и Зандли, а длинного пацана пересаживают на переднее сиденье.

– Сейчас? – переспрашивает Рид, чуя подвох.

Салим уточняет для непонятливых:

– Сейчас, когда за нами точно уже никто не гонится.

А потом раздается щелчок, и Рид замечает, что все имеющиеся в машине стволы направлены на него.

Глава 2

– Эй, – возмущенно говорит Рид.

– Вы что, – возмущенно говорит Рид.

– Это вместо объятий? – возмущенно говорит Рид.

Салим демонстративно снимает свою «Беретту» с предохранителя. По «Беретте» в каждой руке.

– Гони в объезд по Седьмой, – бросает он Нирмане, хмуря темные брови. Та даже не оборачивается на Рида, и у последнего теперь зияющая рана – в сердце, дыра – в душе и скоро будет дырка в бедренной кости, если Зандли не уберет пистолетное дуло от его бока.

Рид решает, что пристально смотреть сейчас Салиму в глаза – все равно что подписаться на самоубийство, так что он переводит взгляд влево и экстренно пытается сменить тему.

– Кстати, что это вообще такое? – тычет он пальцем в долговязого с подозрительным именем и неестественно длинными конечностями. Тому приходится подобрать под себя колени, чтобы не проломить бардачок, но и он – вы только подумайте! – тоже наставил на него пистолет. – И почему оно в меня целится?

– О, это Шестакофф Андрей, – дружелюбно знакомит их Боргес – единственный в этой тачке, кто не тычет в Рида оружием. – А-н-д-р-е-й. Которого ты так настойчиво иг-

норил. Он новенький певчий мальчик, – Рида передергивает от воспоминаний об этой должности, – в Церкви. Блин, прикинь, за метр девяносто ростом!

– Здравствуйте, – вежливо здоровается Андрей. Сутана на нем насыщенно-черная, не выцветшая – даром что не похрустывает, когда тот двигается. – И... я просто повторяю за паком Салимом?

– А если пак Салим с крыши прыгнет, ты тоже прыгнешь? – скептически фыркает Рид. Подумать только, да если бы все повторяли за Салимом, он, Рид, не дожил бы и до двадцати. – Получше образец для подражания не мог себе найти?

И тут же замолкает, потому что обычно, когда Салим опускает брови к переносице ниже еще на полтора миллиметра, где-то поблизости на следующее утро находят труп. Рид отчаянно не хочет оказаться тем парнем, который «был обнаружен бегуном в парке сегодня в семь сорок утра, и к другим новостям», так что замолкает. Надолго его – естественно – не хватает:

– Ребята, ну нормально же ехали. Мне обидно.

– Нам тоже было обидно, – бросает Нирмана из-за руля, – когда ты дал деру с частью бабла за партию в Коямпуттур.

– До слез, – мрачно подтверждает Салим. На его смуглом круглом лице – ни слезинки, поэтому это наглая, наглая ложь, но Рид решает оставить обвинения при себе.

– Пак Рид украл выручку со сделки? – сует свой длинный

нос с переднего сиденья этот новый певчий Андрей, робко выставляя свой пистолет из-за подголовника.

Это было бы даже мило, если бы Рид был из тех, кто любит, когда на него наставляют что-то длинное, узкое и неорганическое.

– Пак Рид нагрел нас на выручку со сделки, – уточняет Нирмана и делает крутой вираж, заставляя всех в машине схватиться за сиденья. – Своих же кинул.

– Потише, ты не в ГТА! – гаркает Салим. – А ты, Андрей, убери пушку и сиди тихо, понял?

– Но, пак Са...

– Андрей!

Рид оглядывается: шутки шутками, но пистолеты они, кажется, убирать не собираются.

– А что насчет милосердия и всепрощения? – спрашивает он. – А если я чек выпишу? – снова, чуть настойчивее.

Потом сдается:

– Ладно, ладно. Ну и что мне надо сделать, чтобы старик епископ меня не прикончил?

Как будто проблема только в старом хрыче. Да тут половина Джакарты спит и видит, как бы подпортить Риду лицо.

– Об этом нужно было думать раньше, – отрезает Салим.

Фу, какой ты скучный. Да кто вообще думает о последствиях?

Пытаясь абстрагироваться от безрадостных перспектив, Рид ерзает на сиденье и наконец придумывает, как грамотно

сменить тему. Тем более этот вопрос реально, *реально* не дает ему покоя уже почти час.

– Не то чтобы я против, я одобряю любое ваше решение и приму вас любыми, но, кстати, – он обводит их взглядом отца, не вовремя зашедшего в комнату к дочери, – почему вы все вместе?

Под «вы» Рид подразумевает Боргеса и Зандли – отдельно и своих бывших коллег в черных сутанах во главе с невыносимым Салимом – отдельно. Боргес и Ко были частыми гостями в Юго-Восточной Азии, но не настолько частыми, чтобы за те полтора месяца, что Рид и Боргес не были в контакте, успеть стать прихожанами Церкви Святого Ласкано. Тем не менее спасти Рида Боргес примчался под ручку с Салимом – и теперь Рид наконец намеревается узнать почему.

Салим цыкает: видимо, то, что Рид и небеса благословляют союз Церкви с командой Боргеса, не значит, что его благословляет сам Салим.

А потом после паузы неохотно тянет:

– Ты вообще не слышал, что происходит в городе?

– Чувак. Чувак!

Лицо Салима требует прекратить называть его чуваком, пока он держит Рида на прицеле.

– Меня не было здесь три года и не было бы еще дольше, если бы уроды из «Вольто» не отрезали мне пути к отступлению, а brave пилоты Фрэнк и Майкл не предали нашу дружбу. Откуда я могу знать, какой хренью вы тут страдаете

на этот раз?

– «Вольто»? – переспрашивает Зандли, приоткрывая один глаз. Дуло ее ружья все еще смотрит прямо на Рида и приносит ощутимый дискомфорт. – Ты что, натравил на себя ребят из «Сенца Вольто»?.. О!

И в этом «о» сконцентрирован весь оскорбительный подтекст, доступный человеческой цивилизации со времен мезозоя.

Рид бы ей ответил, но немногое удастся сказать стерве, которая держит огромную пушку на уровне твоих гениталий, так что он переключается на Боргеса, который как раз спрашивает:

– Погоди, амиго, а что за «Вольто»?

Вполоборота глядя на профиль единственного в этой машине (а возможно, и во всей криминальной Джакарте) человека, который не хочет его пристрелить, Рид произносит всего одно слово:

– Руссо.

И лицо Боргеса озаряется пониманием. А затем в обсуждение врывается всем знакомая (не)приглашенная звезда:

– Ты тупой? – спрашивает Салим. – Как ты вообще умудрился натравить на себя *Руссо*?

– Давайте поговорим об этом в исповедальне, святой отец, – отшучивается он.

Потому что это длинная история, включающая в себя плохо komponующиеся для неподготовленного слушателя эле-

менты: Чили, Пунта-Аренас, пятизвездочный отель, снотворное в стакане с виски, искусственный глаз, грубо сколоченный ящик с оружием, ушные палочки, двух горячих мексиканок, одного горячего мексиканца и рукоприкладный диспут на фоне пролива Дрейка. Ну и понеслась.

Рид быстро возвращается к предыдущей теме:

– Так что у вас здесь за праздник дружбы и толерантности? В прошлый раз, когда мы виделись все вместе, Зандли пообещала прострелить тебе голову. А теперь, гляньте-ка, сидите в одной машине, ближе, чем на расстоянии судебного запрета...

– Ха-ха-ха, очень смешно, – игриво говорит Зандли, зубами открывая чупа-чупс и сплевывая ошметки упаковки на пол. – Смешнее будет, только когда я отстрелю тебе член.

Рид не уверен, что это будет смешно. Это даже не будет забавно. Это будет намного ниже среднего. Конечно, она не выстрелит – это ясно как дважды два, но ему все равно немножко, самую малость неуютно, когда пистолет тычется ему в место, которым он, по расхожему мнению, думает.

– Давай не будем впадать в крайности... – просит Рид. Чтоб он еще когда-нибудь вообще сел рядом с ней! – Лучше вы опустите свои стволы, и мы обсудим, почему вы тут все такие злые.

– По-моему, это очевидно. – Салим очерчивает дулом дугу в направлении Рида, явно подразумевая что-то нелицеприятное.

– Да нет, – Рид не хочет возвращаться к теме любимого себя, потому что это чревато. – Вы с какого-то хрена работаете вместе. У вас что...

– Слышал про Гринберга? – перебивает его Боргес с затаенным восторгом.

И на самом деле это очень, очень внезапный вопрос.

Рид перебирает в голове всех Гринбергов, которые ему знакомы, – таких оказывается немного. Маленького Гринберга из Техаса Боргес знать не знает, а Гринберга из Толедо, спустя секунду вспоминает Рид, на самом деле зовут не Гринберг, а Гольдберг. Значит, остается...

– Про Карла Гринберга? – уточняет он. – Илона Маска от фальшивомонетничества?

Если что-то и можно было сказать про Карла Гринберга, так это то, что слава шла впереди него. Рассказы о мастере над монетой сновали по криминальному миру не первое десятилетие; Рид, кажется, сам услышал о нем впервые лет в шестнадцать, еще когда батрачил курьером на мелкую шущеру из Селатана. Страничка в «Википедии» вполне может служить индикатором популярности, искренне считает Рид. Особенно если статья про тебя начинается со слова «гений».

Так что, с одной стороны, мало кто это имя не слышал, а с другой – судя по лицам в салоне, кажется, в этом имени и кроется причина, почему конкретно эти лица собрались конкретно в этом салоне. Рид щурится на них:

– И какое отношение селебрити криминальной тусовки

имеет к вам? Бо, не к тебе.

Проблема только в том, что о Гринберге ничего не было слышно уже лет... Десять? Пятнадцать? Много, в общем, лет. «Таинственно исчезнувший» и все такое. Слухов ходило много: были подозрения, что он осел под чужим именем в какой-то из стран третьего мира или его таки сцапал Интерпол. Хотя было бы здорово, если бы он всплыл. Только желательнее не в Чиливунге спиной кверху. Рид, конечно, печатанием денег не занимался, но автограф бы взял с удовольствием.

– Ну, он был в городе, – неохотно говорит Салим, наконец убирая пистолет, за что Рид ему очень благодарен.

– Был? – с его лица даже исчезает выражение «я все знаю». – Гринберг? Так ты серьезно? Ну и когда встреча с фанатами? Дресс-код повседневный или нужно сказать Нирмане, чтобы завернула за смокингом?

– «Был» – глагол в прошедшем времени, Рид, – обрывает полет его мечты Нирмана. – И пошел на хер, я тебе не таксистка.

– Милая, я со всем уважением, – врет Рид в ее сторону. – Зандли, убери пушку, пристрелишь меня, когда выйдем из машины. Так что с Гринбергом? Расскажите, хочу все знать!

Много позже Рид пожалеет, что не сказал в этот момент что-нибудь вроде «Ничего мне не рассказывайте» или «Остановите машину, я выйду тут». Но пока он думает о том, что все не так плохо, как могло бы быть. Ему все-

го лишь надо пережить эту поездку – легкотня, разговор с монсеньором – терпимо, а затем смотаться из этого города прежде, чем его начнут узнавать на улицах. План кажется ему осуществимым, только руку протяни: наври там, наври здесь, купи место на лодке до Южной Суматры, пересядь на тачку, брось тачку, купи билет на самолет, помаши Индонезии ладошкой, скажи гудбай – и поэтому Рид проявляет благосклонный интерес. Поэтому – а еще потому, что любопытство однажды доведет его до эшафота.

– Что ему здесь было надо? – с жаром интересуется он. – Чего это именно Джакарта внезапно, после стольких лет радиомолчания?

Типы вроде Гринберга предпочитали другую половину земного шара: Нью-Йорк, Лондон, Мадрид, Берлин. Это была их вотчина – финансовые махинации проходили не в загаженных подвалах на улицах с невыговариваемыми названиями, а в красивых конспиративных квартирах в переулках Бронкса или Челси. Джакарта – ну, Джакарта для таких, как Рид, Боргес или Салим. Тех, кто отстреливается от полиции, а не прячется от нее.

– Он объявился месяц назад. – Салим откидывается на сиденье и сумрачно рассматривает проносящийся мимо грязный городской пейзаж. – Наворотил дел, а теперь снова пропал. Весь город уже неделю его ищет. Мы с твоими друзьями столкнулись, – он смотрит на Боргеса и Зандли, а потом утомленно вздыхает, – пока... проверяли кое-какие концы

по Гринбергу.

Если вранье было стихией Рида, то Салиму оно не давалось совершенно: каждое абстрактное «наворотил дел» и «кое-какие концы» он выдавал с таким видом, будто у него кость поперек горла встала и не выкашливается. Рид почти чувствует ностальгию – ему всегда нравилось заставлять Салима выкручиваться, – но этой ностальгии недостаточно, чтобы он решил задержаться еще на денек. Будет скучать по Салиму издалека, так они лучше ладят.

– Звучит уныло, – говорит Рид, – а на самом деле что?

– Падре сказал правду, – насмешливо говорит Зандли, опираясь локтем на дверцу машины и прокручивая пистолет на пальце. Рид очень надеется, что тот на предохранителе и Нирмана не припаркует у церкви тачку, полную жмуриков. – Просто опустил... детали.

– Некоторые, – неожиданно грустно подтверждает Боргес.

– Да блять, – Нирмана сигналит, затем высовывается из окна и заявляет кому-то: – Еще раз так сделаешь – тебя больше не найдут. – И дальше, без паузы: – Да скажите вы ему уже как есть. Гринберг запустил на рынок машинку по распечатке бабла, которое невозможно отследить.

Чего?

– Она имеет в виду набор идеальных долларовых клише, – поправляет ее Салим. – А еще она прекращает угрожать малолеткам! Это был тинейджер на скейте, Нирмана!

Чего?

– Я всего лишь предупредила его, что кататься посреди дороги – опасно.

– И теперь он останется зайкой.

– Его проблемы.

– Говорят, что достопочтенный мэтр, – сообщает Зандли, пользуясь моментом, – создал долларовые клише, которые не смогут отличить от оригинала даже в Монетном дворе дяди Сэма. Супер-пупер-технология. – По ее тону Рид не может определить, верит ли она сама в то, что говорит. Зандли, когда хотела, могла иронию спрятать в иронию и завернуть в иронию. – Ходят слухи, что ее опробовали то ли в Сингапуре, то ли в Гонконге, и теперь все на островах как с ума посходили. Мы приехали, а вся Ява гудит, как будто в муравейник нассали.

Рид скептически морщится. Серьезно? Что за сказки для маленьких начинающих преступников 3+? Идеальные долларовые клише? Даже такой гений, как Гринберг, не мог построить у себя в подвале Форт-Нокс. Нормальные долларовые клише – пожалуйста. «Ну, вот тут косячок, но в целом пойдет» долларовые клише – тоже запросто. Но не идеальные. Иначе здесь уже всю сновали бы...

– А доллары-то американские?

– Да.

...Сновали бы американцы. Но ни одной американской рожи среди мопедов он пока не заметил. И тем не менее Рид все еще не улавливает.

– Так, хорошо. Из ниоткуда появляется звезда фальшивомонетчиков, запускает на подпольный рынок идеальные, – Рид показывает пальцами кавычки, – оттиски для печати бабла и пропадает. А сами-то сакральные таблички где? Кто теперь счастливчик?

– Кто бы это ни был, счастливчиком он будет недолго, – злобно фыркает Салим.

Рид вздыхает. Кажется, пока его не было, главным национальным развлечением этой страны стала игра в шарады. Сначала ему кажется, что Салим имеет в виду «счастливчиком он будет до тех пор, пока не встретится с моей “Береттой”», но потом видит: Салим поджимает губы, тарабаня пальцем по ручке стеклоподъемника. Злобы в нем все еще много, но вот нервяка явно побольше.

Три года назад Салим был тем, кем пугают, а не тем, кто пугается. И вот на тебе. Кто же тут замешан? В Джакарте есть только одна настолько крупная рыба, что ее боятся и белая акула, и батя из «В поисках Немо». Рид очень надеется, что он ошибается.

– Дай угадаю, – хмыкает он, – на идеальные оттиски наложено идеальное проклятие?

– Ага, – отвечает Нирмана с водительского сиденья, – проклятие простреленной грудины. Фирменное, мать его, заклинание колдунов Картеля.

Картель. Ну конечно.

В идеале Риду вообще не хотелось бы слышать это на-

звание все то время, пока он будет находиться в Джакарте, но вот он, посмотрите, сидит, окончательно забравшись с ногами на сиденье, и, черт побери, спрашивает:

– Старик Басир до сих пор жив, что ли? О, эти скорбные лица. Вас понял.

Когда Рид сваливал из Джакарты, из Ольбериха Басира, главы Картеля, уже песок сыпался. У Рида были все основания надеяться, что спустя три года о главном уроде Джакарты напоминать будет только эпитафия.

Главном самом богатом уроде Джакарты.

Главном самом опасном богатом уроде Джакарты.

Возглавляющем самую опасную богатую группировку.

Картель, твою мать, Вос-хо-да.

– А что остальные? Хоть кто-то помер? Ну пожалуйста. Что насчет Деванторы? Или Камиллы?

– Камиллу посадили в Китае в прошлом году, праздновали всей Церковью, – абсолютно непразднично сообщает Нирмана. – А вот Девантора живее всех живых.

Такие люди, как Камилла – пока, родная, сколько лет дали, кстати? – и Девантора, делали Картелю имя, но на них Картель не заканчивался. Картель был монструозной преступной опухолью на теле Малайского архипелага. Джакарту разрушали на его деньги, Джакарту отстраивали на его деньги. Наркотики, оружие, проституция, миллионные обороты – все это делало Картелю имя, и этим именем пугали маленьких и взрослых. Трясся даже Салим, хотя умело это

скрывал.

Рид оборачивается, исподтишка разглядывая его профиль – сплошь напряженный зигзаг.

– Басир живой, Девантора тоже, никакого праздника на моей улице, – ворчит Рид себе под нос, вытирая пот со лба. Рубашка, в которой он сошел с самолета, сверху напялив бронезилет, вся мокрая. – Блин, народ, давайте закроем окна и включим кондиционер.

Может быть, он вспотел от стресса (одно упоминание Картеля Восхода могло заставить воду из организма попытаться испариться и сбежать из Джакарты, используя гидрологический цикл), но вслух он произносить этого не стал.

– Классная идея, но он здесь не работает, – говорит Нирмана. – Я это выяснила, пока в тебя целились.

Оказывается, в мире происходит столько интересных открытий, пока в Рида целятся! Учитывая, что на уговоры не стрелять он тратит треть своего времени лет с пятнадцати, вся жизнь проходит мимо.

– Самая жалкая тачка в мире, – повторяет за старшими Рид и свистит, привлекая внимание. – Эй, певчий мальчик, открой окно пошире, до меня не долетает. Так вот, продолжаем. – Он разворачивается обратно с самым деловым видом.

Про себя он уже успевает добраться до Куала-Лумпура и затеряться среди малайзийцев – только теперь это намерение обретает весомую мотивацию и вектор. Он не собирает-

ся оставаться здесь дольше, чем потребуется, чтобы раздобыть фальшивые документы, спасибо.

– Значит, старик Басир тоже хочет печатать деньги. Невинное хобби на старости лет, почему бы и нет. Как же так получилось, что оттиски еще не у него?

– Тебе, может, еще презентацию с диаграммами провести? – заводится Салим. – Тащи, блять, проектор.

– Эй, дружище. Ты бесишься. А ты не бесись, – предлагает Рид, а потом отворачивается от Салима и кладет подбородок на спинку водительского сиденья, чтобы поговорить с тем, кто не такой эмоциональный. – Так вот.

В салонном зеркале видно, как Нирмана закатывает глаза.

– Если ты думаешь, что я хочу об этом всем говорить, то за три года ты вконец отупел.

– Да что ж вас так всех травмировало-то? – не унимается Рид. – Вы ведь не полезли в эту заварушку с оттисками, да?..
Не полезли же?

– Это тебе расскажет его преосвященство, – бросает Салим с ощутимым садизмом.

Рид строит ему перепуганные глаза: «О нет, только не его преосвященство», а сам думает, как бы сделать так, чтобы до встречи с бывшим начальством вообще не доводить.

– Ты мне что, не доверяешь?

– Если ты сейчас оскорбишься, это будет цирк, – задумчиво улыбается Зандли, поправляя пистолетом очки на голове – истошно-розовые, в форме сердечек.

Салим выуживает из кармана сутаны мятую пачку сигарет и опускает свое окно.

– Это разговор не на пять минут. Сейчас тебе нужно знать только то, что вся Джакарта, – доставая зубами сигарету, комментирует он, – охотится за оттисками чертова легендарного фальшивомонетчика, которые тот пустил по рукам, как гребаную часовую бомбу.

– Все равно эти ваши скрижали Завета закончат на шикарном ковре у ног Басира, – пожимает плечами Рид, – здесь даже париться нечего.

Салим сощуривается, глядя на него:

– Проблема в том, Эйдан, что мы паримся. Потому что оттиски должны закончить не на басировском ковре, а на нашем.

Рид замирает. Салим это серьезно? Они что... Они решили потягаться с *Картелем*? *Они в своем уме? Выпустите его из машины!*

– Да, в этом участвуем мы. В этом участвует Картель, – говорит Салим. – Но тем, что мы сейчас обсудили только Картель, мы оскорбили еще десяток не менее опасных мудаков, которые тоже в этом участвуют.

И ухмыляется, наслаждаясь оторопью Рида:

– Добро пожаловать домой.

Как порядочный безбожник Рид оценивает храмы по художественной ценности постеров со святыми, защищенности ящика с подающими и удобству лавочек. Так что ничего удивительного в том, что католическая церковь на берегу мусорной реки Чиливунг, с унылыми стенами и отвратительными скамейками, получает твердую троечку и плевков на порог.

(Если Рид плюнет за порогом этого пристанища веры, то его преосвященство потом плюнет в его кремированные останки.)

По приезде оказывается, что напряг ребят в тачке не идет ни в какое сравнение с напрягом ребят в Церкви. У ворот на территорию – форпост из двух машин, главное здание оцеплено по периметру мрачными служителями, а общая атмосфера давит на нервы. В нефе в два раза больше народу, чем бывает тут одновременно, – значит, епископ отозвал людей с островов и собрал их в штабе.

Они с Боргесом и Зандли мозолят задницы на отвратительных скамейках уже двадцать минут – под орлиным взором двух специально выделенных на них церковных прислужников с калашниковыми у бедра. Ни одно из типично яванских лиц Рид не узнает, на попытки подружиться яванские лица не реагируют, на просьбы принести водички не от-

зываются – по части обслуживания Церковь Святого Ласкано традиционно лажает. Рид не думает, что Салим всерьез рассчитывает, что охрана сможет остановить их, если они решат прогуляться из церкви вон, но, видимо, надеется, что им будет стыдно бедокурить.

Или считает, что их остановят еще двадцать вооруженных до зубов головорезов в сутанах.

То, что Церковь перешла на военное положение, – плохой знак, а Рид всю жизнь старался избегать фиговых предзнаменований. Его желание свалить из города становилось все сильнее и чесалось где-то в области инстинкта самосохранения.

Что бы тут ни происходило, он не хотел в этом участвовать.

– Так что произошло-то? – спрашивает Рид, не поворачивая к Боргесу голову и наблюдая, как пара мрачных послушников тихо переговаривается у витражей, выходящих на южную сторону. – Эта движуха как-то связана с тем, что вы с Церковью теперь подружки? Только не говори, что тоже решил заняться печатным делом.

Начинает Боргес, как обычно, издалека:

– Помнишь, я тебе говорил, что мы должны передать непонятно что в стремном чемодане? – он неопределенно почесывает бритый затылок.

Под «мы» он подразумевает свою маленькую, но мультифункциональную команду наемников. Храброе трио, воору-

женное резвым интеллектом (Серхио Лопес, тридцать три года) и недюжинной силой (Диего Боргес, тридцать четыре, и Зандли Таснем, уже лет десять чуть-чуть за двадцать).

Рид копается в памяти, и та выдает: «*Бро, бро, мы щас, короче, едем в Сегеран отдавать какой-то груз и забирать за него два лимона. Кому-нибудь передать приветы в Джаскарте?.. Ой, ладно, не бесись*».

И еще вот это: «*Чувак, этот чемодан тако-о-ой стра-а-анный, тут и электронный замок, и обычный, и пароль, и вообще, а как ты думаешь, что внутри? Щепка от лодки Ноя? Расческа Элвиса Пресли? Эта штука, чашка Грааль, во! Или...*»

– А-а-а, золото скифов? – со знанием дела кивает Рид. – Помню.

– Или хрустальный дилдо, – поправляет его Боргес. – Мы ж так и не решили. Короче, мы провернули сделку, забрали оплату в драгоценных камнях, должны были ехать на следующий день, а потом...

– А потом нас обокрали, – заканчивает за него Зандли, вновь блеснув способностью рубить правду-матку.

Рид так и замирает, занеся руку, чтобы почесать нос, а потом переводит взгляд то на Боргеса, грозно поджавшего губы, то на Зандли, которая безмятежно прицеливается и швыряет палочку от чупа-чупса в одного из «охранников».

– Кто посмел? – искренне удивляется Рид.

Охренеть. Кто вообще этот бессмертный, кому в голову

вообще пришла мысль ограбить Диего Боргеса? Диего Боргеса, который объявлен в розыск – простите, на минуточку – правительствами пятидесяти восьми стран?

– Да вот эти самые, – Боргес вздыхает натужно. – Картель Восхода.

Почему. Почему стоило Риду приехать в Джакарту, как это проклятое название тут же посягает на его зону комфорта со всех сторон?

С другой стороны, Боргес – не Рид и перед Картелем имеет право не испытывать такого же пиетета. Басировские громилы вообще предпочитали не ввязываться в конфликты с его шайкой: может быть, и вышли бы победителями, но какой ценой.

– Бо, как ты вообще умудрился дать Картелю себя обокрасть? – недоумевает Рид. – С каких это пор они обворовывают проезжающих мимо фрилансеров? Или вы что, перешли им дорожку?

– Ничего мы не переходили, – Боргес недовольно скрещивает руки и устремляет тоскливый взгляд в окно. – Это даже были не эти ваши... Камиллы с Деванторами.

– По описанию никто вообще не понимает, кто именно это был, – кивает Зандли, пальцем подтягивая по переносице свои очки-сердечки. Вкупе с ее ярко-рыжими дредами, короткими джинсовыми шортами и бронежилетом поверх майки видок получается экстравагантный, но Зандли именно это и к лицу. – Видимо, кто-то просто захотел выслужиться.

Рид качает головой:

– Нет, я понимаю, если бы это был Девантора – он бешеный, мне с ним вообще страшно одним воздухом дышать. Но просрать хрен пойми кому? Ты? Ты! Диего Боргес! Человек-скала, человек-кремень, человек-я-проредил-венесуэльскую-национальную-гвардию-на-две-трети?!

– Отстань, – Боргес обиженно отворачивается в другую сторону, демонстрируя сотню раз переломанный профиль, и грустно бормочет: – Мы не были готовы.

– Ладно, ладно, окей, вы не были готовы, они вас подловили, – мирно машет руками Рид. Если Боргес сейчас раскиснет, ему же, Риду, будет хуже всех. – А эти что? – кивок в сторону церковников. – Вовремя вас утешили?

– Как ты прикольно отрещиваешься от коллег по цеху, – хмыкает Зандли. – Как будто три года назад сам не расхаживал в колоратке.

Рид ее игнорирует: не помнит – значит, не было. Вместо воспоминаний о днях своих неудачных фешен-решений он пихает Боргеса коленом:

– Ну и? У вас стащили товар, а дальше-то что?

– Ну, мы отправились бычить на Картель. Поколотили их шестерок, те говорят: разбирайтесь с Деванторой, он должен быть у Чопинга...

– Чопинг? Это тот крашеный попугай в ботинках из крокодиловой кожи?

– Ага, тот самый Чопинг, – ослабившись, кивает Бор-

гес, – в той самой крокодиловой коже.

Прошло три года, а этот неудачник все еще носит свои безвкусные ботинки, какой кошмар. Рид даже хмыкает: вот он бы такое никогда-а-а-а... Стоп.

– А чего это Деванторе понадобилось от Чопинга? Он же мелкий перекупщик.

Девантора, басировский любимчик, руководил людьми Картеля на улицах, но Чопинг все равно был далек от Картеля так же, как хотел бы быть далек прямо сейчас Рид. Стезя Чопинга – дурно одеваться и обманывать богатеньких белых туристов. Иногда он угонял тачки, иногда ввязывался в какие-то неудачные аферы, но все это было настолько мелко, что не стоило внимания Картеля.

Этот вопрос заставляет Боргеса лыбиться еще сильнее.

– Так Чопинг, говорят, ухватил главный приз. – И от широкой улыбки шрамы на его лице растягиваются мелкой светлой паутиной. – Ну. Ты понял. Вытянул большую рыбу. Отхватил лакомый кусок.

– Наложил лапу?

– Хапнул пожирнее.

– Урвал горячее.

– Оттяпал...

– Вы задолбали, – обрывает их единение душ Зандли, а затем широко зеваает. – Вот почему я терпеть не могу, когда вы воссоединяетесь. Кретины...

Боргес и Рид смеются – и этот смех хорошо разряжает ско-

пившееся напряжение, даже сама Зандли улыбается.

Но Рид с Боргесом друг друга поняли. Вот то есть как! Чопинг успел первым купить у Гринберга таблички, на которые все тут молятся.

– Вопрос только – откуда он надыбал деньги на все это счастье? Какая вообще чернорыночная цена?

– Пятнадцать лимонов плюс. В евро.

Рид присвистывает.

– На сбыте угнанных авто столько не наваришь. Где он, черт побери, нашел такие деньги?

– А хер его знает. – Боргес пожимает плечами. – Мне нужен был только адрес. Я к нему ввалился, чтобы найти там Девантору, а нашел еще Салима: стоят, целятся друг в друга, а Чопинг лежит между ними, приложенный о батарею, крокодиловыми ботами кверху. Чума, короче, картина чисто Пикассо.

– Конвульсия и истерия в кубизме?

– Точняк. – Боргес одобритительно кивает. – Ну, к моему приходу они, видимо, уже что-то порешали между собой, потому что Девантора отбрехался мне, что понятия не имеет, о чем я говорю, вызвал свою бригаду картелевских инквизиторов и свалил. Я такой типа: а ну! куда! Но тут ты звонишь. Тайминг – во!

Воспоминания о рассерженном голосе Боргеса складывают пазлы в единую картинку. Но Риду кое-что все еще непонятно.

– А Салима с собой зачем взял?

– Так я не брал, – удивляется Боргес, – он сам увязался.

Рид удивиться уже не успевает: в поле зрения появляется Нирмана в сопровождении еще одного вооруженного слу-
жителя. Костюм монашки она так и не сменила, но стащила с головы апостольник, обнажив бритый череп, пирсингован-
ные уши и новую татуировку на шее.

– Подъем, – говорит она, но затем останавливает Рида, ко-
торый собирался с облегчением подняться на ноги: – Не-а,
не ты. Ты сидишь и ждешь его преосвященство. Вы двое, –
она кивает Боргесу и Зандли, – пошли. Салим хочет с вами
поговорить.

– А как же я? – со звенящей в голосе обидой спрашивает
Рид. – Моя задница уже по форме повторяет каждую тре-
щину в этих деревяшках. В вас совсем нет жалости, сестра?
Возьмите меня тоже!

– Бог тебя возьмет, – со вздохом отвечает Нирмана, –
и очень скоро, если Салим услышит твое нытье.

– То, что вы тут все на взводе, не означает, что страдать
должен я!

– Страдания очищают душу. А теперь сядь и сиди, Рид,
за тобой придут.

– Хотя бы нянек забери!

Не оборачиваясь, она показывает ему средний палец.

– И следующую закупку в интерьер оформляйте
в «Икее»! – кричит он ей вслед, а затем поворачивается

к уставившемуся на него послушнику. – Ну чего? Я хорошо себя веду, можешь выдать мне полдник пораньше. – Рид валится обратно на скамью. – Прикольнo они придумали. И сколько мне тут еще торчать?..

* * *

Торчать приходится долго.

В ожидании епископа (который, видимо, решает изморить его, прежде чем пытаться) Рид успеваеt отрубиться, а когда просыпается – желтый дневной свет, заливавший церковь сквозь цветные витражи, сменяется на кроваво-красный. Рида кто-то пихает ногой.

– Давай вставай, до службы осталось двадцать минут. – Салим высится над ним в ореоле света из узкого витражного окна, а потом бездушно (и сильно, с-сука) пинает по свесившейся ноге.

Он слишком жесток для того, кто носит сан священнослужителя, зато эталонно бездушен для головореза.

– Который час? – сипит Рид. Голос, правда, больше подходит для вопроса «какой сейчас год?». Ужасно хочется пить, и он кладет ладонь на кадык, пытаюсь смочить горло слюной, после чего кривится.

– Самое время поднимать свой зад, – кивает раб божий, рукой хлопая Рида по колену, чтобы скинуть его ногу. – Куда грязные ботинки ставишь, здесь же люди сидят.

Вообще-то ребята из «Вольто» готовы песок целовать в местах, где он этими ботинками ходил. Рид со стоном поднимает себя в сидячее положение. Салим смотрит на него с непередаваемым злорадством.

Вообще-то, чтоб вы знали, это не по-церковному. Так что, парень, будет смешно, если апостол Петр перед воротами рая отправит тебя левее по коридору просто потому, что ты не протянул длань помощи своему (бывшему) другу, когда он ожидал от тебя понимания и стакан водички.

А дальше Салим, не давая ему прийти в себя, говорит фразу, которая кому хочешь испортит настроение на ближайшую декаду лет:

– Поднимайся. Епископ ждет тебя.

* * *

В ризнице свет не горит. Высокие узкие витражи заполняют помещение красными и синими пятнами: те расплзаются по каменному полу, по поверхности дубового стола, аляписто застывают поверх черной сутаны на плечах Лестари, узким силуэтом замершего за плечом епископа – ни дать ни взять сторожевой доберман. Все такой же высокий, все такой же немой.

Старик опускает расписную фарфоровую чашечку – итальянское или испанское производство, он не признает дешевой посуды – аккурат в ореол цветного пятна на столешнице.

Раздается звон – чашечка ударяется о блюдо.

В полной тишине сидящий посреди ризницы на стуле Рид медленно наклоняет голову к шее и поочередно щелкает суставами.

– Значит, захотелось вернуться под аплодисменты, мальчик? – цокает языком старик, щуря лисьи глаза.

Классический вопрос из серии «почему от тебя всегда одни проблемы?», «ты откуда здесь взялся?» и «а что, они тоже хотят тебя прикончить?».

Между прочим, Рид любит аплодисменты, но не когда от них больше проблем, чем пользы, и уж тем более не когда они по звучанию похожи на пальбу из полицейских НК-45. Поэтому его ответ: нет, не захотелось. Вообще, «захотелось вернуться» – это про что угодно, но точно не про Рида и Джакарту.

Поэтому:

– Да не то чтобы, – говорит он и почти не врет.

Старик епископ – приземистый, невысокий, со своей добродушной хитрой мордой и бордовой сутаной в золотистой вышивке – удрученно вздыхает, так, словно ему искренне сочувствует. Ага, как же, думает Рид.

– Вы не рады меня видеть? – спрашивает Рид тоном человека, который знает, что единственная радость, которую он может принести ближнему своему, – это радость от своей кончины.

Епископ Эчизен несколько секунд смотрит на него, по-

стукивая пальцами по подбородку, будто бы взвешивает, что сказать. Потом тянет:

– Ты украл мои деньги, Эйдан, – и в его голосе – дружелюбие, висящее над шеей Рида ножом гильотины.

– Я не крал, – говорит тот абсолютно серьезным тоном. Лестари смотрит на него нравоучительно, в глазах его так и читается: «Братъ чужое и сбегать – это и значит красть».

В голове крутится детское «я не успел отдать», потому что этот бешеный обмудок Голландец из мотоклуба «Коршуны» загнал его в тупик. У Рида был выбор: помереть, как святой Стефан, во славу Божию или бежать из Джакарты налегке, без сменных трусов, но с десятью косарями.

И обычно Рид без проблем выбирался из таких беспросветных задниц: тут улыбнувшись, там подмигнув, здесь по-поясничав, параллельно отходя бочком к двери, – но его преосвященство такого терпеть не мог.

– Ты мне должен десять тысяч с поставок в Коямпуттур.

А стоило речи зайти о деньгах, он становился еще страшнее.

– У меня сейчас нет таких денег, – собравшись с духом, признается Рид, чувствуя, что совершает самую большую ошибку в своей жизни. Не считая того раза, когда он съел каролинский перец на спор... И того, когда решил, что отправить Салима на свидание с девушкой ростом метр девяносто семь – хорошая идея.

– Ну так дай мне хоть одну причину, – старик растягивает

губы в дружелюбнейшей из своих улыбок, – не прикончить тебя.

Несмотря на возросший градус угрозы, Рид аккуратно пробует:

– Ну... Я симпатичный?

Термометр опасности, который всегда помогал ему остаться в живых, тут же поднимается до заоблачных цифр по Цельсию – Рид уже чувствует запах паленого. И, судя по безмятежному лицу епископа, рвануть может в любой момент, так что Рид спешит реабилитироваться:

– Ну будет вам! Вы же с восемнадцати лет меня знаете, епископ! У меня же огромный коэффициент полезности.

– С шестнадцати, Эйдан, – поправляет его Эчизен, – с шестнадцати. А коэффициент твоей разрушительности еще выше. И посчитай проценты от стоимости товара, которые набежали за эти три года. – Хитрая морда! – Так почему все-таки я не должен тебя убивать?

– Ничего не имею против парочки отменных убийств. – Рид сглатывает, краем глаза косясь по сторонам. Слева – арочный выход в молитвенный зал. Справа – двери в ризницу. Позади – Иисус. – Только если ни одно из них не мое.

И все-таки решается:

– Дядюшка, ну чего вы...

– Лестари, прострелили ему колено, – безмятежно приказывает епископ.

– Ладно, ладно! Давайте не будем кипятиться! Лесты, при-

атель, опусти пушку!

Эчизен искренне интересуется:

– Не понравилась перспектива?

– Ваше преосвященство, – на язык напрашивается «старый ублюдок», но Рид сдерживается как может, – у вас всего два диакона. Мы с Салимом такой слаженный тандем, – ага, думает, прямо команда мечты, – вы же не станете...

Эчизен перебивает его:

– В Божьем доме сейчас один диакон, и это не Салим.

– Вы что, уволили Салима? – Тогда какого хрена он здесь ошивается? Нет, подождите. – Вы... Вы его повысили! Он теперь *священник*? Это нечестно, епископ!

И Рид даже не скрывает вселенскую обиду в голосе.

В самой бандитской церкви Джакарты царит строгая вертикальная иерархия: твой духовный сан определяет твое место в группировке. Прямо под носом у католических святых слуги божьи производят лучший синтетический героин в Индонезии, а также занимаются трафиком, потому что церковные перевозки в законодательстве на особом счету. Рид, как человек, проварившийся в этом дерьме под укоряющим взглядом Иисуса больше десяти лет и всеми правдами и неправдами заработавший сан диакона, понимает, что значит получить повышение в Церкви Святого Ласкано.

А еще он понимает, что находится в подчинении у Салима – даже номинально, будучи за океаном, – ему совсем не хочется.

– Как насчет того, что он слишком молод?!

– Вы ровесники.

– Тогда почему я все еще не священник?!

– Потому что, пока я настоятель, в этой церкви у тебя есть возможность стать только трупом, если ты не перестанешь меня утомлять, – размешивая сахар и звеня ложечкой о края чашки, спокойно отвечает епископ.

Некоторое время они сидят молча, пока Эчизен, отпив чаю, не говорит:

– Но на самом деле тебе повезло, Эйдан. – Он поднимает на него взгляд. – Ты вовремя решил посетить родные пенаты. У меня есть для тебя работа.

Звучит подозрительно, думает Рид. И мало того что подозрительно, так он еще и прекрасно понимает, что слово «работа» не подразумевает оплаты: естественно, он будет батрачить на этот церковный карнавал, чтобы отдать должок.

Тем не менее он решает сделать хорошую мину при плохой игре.

– Вещайте, монсеньор, – залихватски закидывает ногу на ногу Рид, убедившись, что никто не собирается простреливать ему коленные или любые другие полезные суставы. По крайней мере, пока. – Салим вкратце рассказал мне, что почем. Хотите поучаствовать в гонке за мифическими сокровищами?

Эчизен бесшумно отпивает из чашки и нейтрально спрашивает:

– Мифическими? Ты не веришь, что клише существуют?

– Ну хотя бы вы не начинайте, – Рид посмеивается. – Конечно, ребята под впечатлением и вдохновлены идеей, но вы-то понимаете, с какой вероятностью это окажется пустышкой?

– Ты когда-нибудь слышал про Маркуса Глиндона? – неожиданно спрашивает Эчизен, сцепляя пальцы в замок и кладя на них подбородок. Маленький, с редкими седыми волосами, с безобидным лицом и ласковым голосом, он кажется добрым дедушкой из дома престарелых, а Лестари – его заботливой сиделкой. Только вот, поведясь на этот обман, можно было лишиться очень многого. Даже жизни.

В конце концов, со времен Ветхого Завета церковь всегда была самым большим филиалом лжи.

– Думаю, понимаю, о ком вы, – расплывчато отвечает Рид, который слыхом не слыхивал ни про какого Маркуса Глиндона.

– В седьмом году Маркус произвел четырнадцать миллионов монет номиналом в один фунт стерлингов. В Британии, естественно. По статистике, до сих пор каждая сороковая однофунтовая монета является подделкой. Причем подделкой, практически неотличимой от оригинала, – они до сих пор изымают лишь по несколько случайно найденных монет, и то после десятка экспертиз.

– Талантливый парень, – присвистывает Рид. – Кажется, припоминаю. Его же посадили?

– Я не к тому, – кашляет Эчизен. – Маркус Глиндон был учеником Карла Гринберга. Он использовал его недоработанные прототипы и технологию и адаптировал их под производство британской валюты. А сам Карл, позволив Маркусу протестировать свои разработки, занялся американскими долларами.

– Да, да, вот про это я и слышал. Приехал в Джакарту, как-то наладил здесь производство, а потом почему-то исчез, пустив на рынок свои драгоценные оттис...

– Мы наладили здесь производство, – говорит Эчизен, перебивая его. – Вместе.

Рид переспрашивает абсолютно идиотским тоном:

– В смысле?

– Я, – повторяет епископ. Кажется, ему нравится недоумение на лице бывшего подопечного, – и Карл. В прошлом феврале он прилетел в Джакарту, а четыре месяца назад мы запустили первые печатные станки.

– Вы и Ка... Погодите, вы что, знакомы?

– Очень старые друзья, – кивает Эчизен, поигрывая чашкой и не отрывая от нее взгляда.

– Вы? С Гринбергом? В Джакарте? Прямо под носом Ольбериха Басира? – Рид вытаращивает глаза. – Со всем уважением, ваше преосвященство, вы что, рехнулись?

Подумать только! Печатать деньги! Прямо в городе Картеля Восхода! Храбрость и безрассудство, идиотизм и отсутствие инстинкта самосохранения!

Одно дело – когда этим занимается залетная звезда, а другое – когда ты, крепко обосновавшись в городе и пустив корни, решаешь рискнуть: а не срубят ли эти корни местный лесоруб и не пустит ли тебя на бревнышки для своего дачного домика?

Рид потирает переносицу и неверяще щурится.

– Чтобы такой осторожный человек, как вы, и только ради возможности печатать деньги, которые все равно рано или поздно обнаружат – если не Картель, то правительство... Я не понимаю. – Он взмахивает рукой. – Сколько вы занимаетесь наркобизнесом – двадцать, сорок лет? Он стабилен и приносит отличные бабки. Так на хрена?

– Они безупречные, Эйдан, – снисходительно улыбается Эчизен. – Подделку нельзя обнаружить.

– Да прекратите! Это же чушь!

И тогда епископ делает жест в сторону Лестари. Тот кивает, отворачивается к сейфу и достает оттуда сверток: обычный пакет с пачкой денег, какими с Церковью расплачивались покупатели.

– На, посмотри, – кивает Эчизен.

Рид, не скрывая недоверия, тянется к пакету, потом плюхается обратно на стул и достает пару купюр. Он, конечно, не фальшивомонетчик, но в наличных, особенно в долларах, разбирается – специфика профессии. Салим бы сейчас сказал, что на самом деле его профессия – выводить окружающих из себя, и как же славно, что тут нет Салима.

– Это работа Гринберга? – уточняет он. Епископ кивает, делает знак Лестари, и тот протягивает ему еще одну стодолларовую купюру. – Так, а это настоящие? Ну посмотрим...

И тут же приходится признать: на ощупь они действительно одинаковые. Никакой целлюлозы – только хлопок и лен. Пропорция подобрана настолько близко к оригиналу, что вполне могла бы отличаться только на одну сотую процента. Но на то Гринберг и гений.

Структура бумаги передана так точно, что ни чернила, ни их цвет, ни их состав не выдают никаких отличий между купюрами, сколько бы Рид ни крутил их под насмешливым взглядом Эчизена. Краска ощущается выпукло, цвет будто взят пипеткой, а проведя ногтем по старому доброму старику Бену, Рид ощущает очевидную рельефность. Он практически скребет обе купюры, пытаясь найти хоть что-нибудь, но нет. Одинаковая толщина. Детализация. Окаймление. Серийные номера.

Рид хмурится.

– Как он подделал волокна? – спрашивает он, не отрывая взгляда от денег. – Они не нарисованы. Они в самой бумаге. Трафарет? Офсетка?

– Оттиски, которые сейчас гуляют по городу, – это не просто трафарет для чернил. Это сложная комплексная техника, предусматривающая перестановку серийных номеров для того, чтобы можно было их менять. Конечно, немаловажную роль играют и сами печатные станки – мы закупили

их в Иране, они имитируют те, что стоят в Монетном дворе в Вашингтоне. На самом деле ноль выгоды, как казалось мне: эти станки вышли из оборота в четвертом году и должны были быть уничтожены в полной секретности, но их успели вывезти из страны. Тем не менее еще полгода Карл занимался... – Эчизен подбирает слово, – модификацией этих станков. Их сложно, но можно достать, если ты знаешь, где искать, и не боишься последствий. А вот его клише... Это ювелирная работа. Он уговорил меня провести одну... акцию, – тщательно подбирает слова епископ. – Мы запустили одну из финальных партий фальшивок на Гавайях и симитировали донос – партию изъяли.

– Нет, – говорит Рид, внезапно понимая, к чему все идет. – Нет, да вы...

– Ее...

– Вы издеваетесь?

– Признали подлинной. А донос – дезинформацией.

Такого не может быть. Это сказки для малолетних преступников, считающих, что преступный мир полон бандитской романтики, как в фильмах Гая Ричи. Все любят байки про бандитов, которые совершают невозможное.

Но Рид отлично знает, что преступники не могут творить чудеса. Они не умеют уклоняться от пуль, как Нео¹, они

¹ Нео – главный герой трилогии «Матрица». Здесь и далее, если не указано иное, примечания авторов.

не исчезают, разлетаясь деньгами, как Джей Дэниел Атлас². И они не создают идеальные фальшивые деньги, которые признает подлинными Монетный двор США.

Тем не менее он пытается разобраться:

– Если у вас все было на мази, зачем было прикрывать лавочку?

– Мы и не планировали. Но когда в дело вмешивается Картель, – епископ слегка сводит брови – жуткое зрелище, учитывая, что он продолжает улыбаться, – ты ничего не можешь планировать заранее.

– Ну, естественно, они пронюхали, – бормочет Рид. – Это же Картель. Но если полетели головы, почему Церковь еще не сровняли с землей?

– Потому что мне много лет и я не дурак, Эйдан, – улыбается епископ. – А еще потому, что самым секретным из всего было не производство денег, а мое партнерство с Карлом. Никто из ребят не был в курсе, знал только Лестари.

– Не хотели подставляться?

– Ты даже представить себе не можешь насколько. Если бы Басир узнал, что не то что я, а вообще кто-либо из Джакарты поддерживает Карла, он бы уничтожил этого идиота подчистую. Вместе со всей бандой.

Рид уже не знает, радоваться ему новым сплетням или жалеть себя: раз Эчизен рассказал ему о своем сотрудничестве

² Джей Дэниел Атлас – один из главных героев серии фильмов «Иллюзия обмана» (2013, 2016).

с Гринбергом и раз он до сих пор жив, значит, это все еще тайна за семью печатями. А это означает, что Рид слишком много знает. Очень чреватое для него клише.

Он уже отчетливо ощущает, какими крутыми становятся повороты в истории, куда его собираются втянуть.

– Звучит так, будто у Басира с Гринбергом какие-то счеты, – несмотря на тревогу, Рид сохраняет легкомысленный вид. – Какая-нибудь грязная тайна? Люблю грязные тайны, но, знаете, если она совсем грязная, я не буду настаивать, можете сохранить ее при себе.

– Ты вряд ли слышал эту историю. – Эчизен молчит некоторое время, качая в руке чашку, но, когда Рид уже надеется, что ему так ничего и не расскажут, он продолжает: – Карл и Басир не ладят.

– «Не ладят» в каком смысле? – уточняет Рид. – Мы ведь о лидере Картеля Восхода говорим, а не о янки из японского квартала. У этого «не ладят» степень «ты плохой, вылезай из моей песочницы» или «ты плохой, я брошу твой труп в Китайское море»?

– В самом ярко выраженном, который ты можешь себе представить.

Ага, то есть «ты плохой, и если ты появишься в моей стране, то твой труп не найдут даже в Китайском море».

– Басир ненавидит Карла.

Вопрос «почему?» можно не задавать: он и без того витает в воздухе. И епископ на него отвечает:

– В шестидесятых мы с Басиром отсидели из-за него почти двадцать пять лет. В «Гитараме».

Рид ничего не может с собой поделаться: вздрагивает и моргает, глядя на лицо Эчизена.

Он знает, что тот сидел, но про «Гитараму» слышит впервые. Боргес, отбывавший срок в «Райкерсе», иногда мрачно шутил насчет таких тюрем: «В моей жизни все четко, пока я не загремел в “Гитараму” или “Карандиру”». «Гитараме» – ад на земле, где заключенные жрут друг друга, чтобы выжить, трупы не убирают неделями и не хватает не то что кроватей – даже места, чтобы лечь. Люди вынуждены круглосуточно стоять, пока ноги у них не начинают гнить.

– Вы сидели в «Гитараме»? – переспрашивает он, стараясь говорить серьезно. – *Двадцать пять лет?*

Эчизен улыбается – Рид думает, что, отсиди он в подобном месте хотя бы пару суток, совсем разучился бы это делать, – и легкомысленно машет рукой:

– Сбежал при бунте в девяносто первом и угодил сюда. Басира выпустили на несколько лет раньше – думаю, кто-то из его сообщников заплатил огромные деньги, чтобы это проверить. У меня в ту пору денег не было вообще.

– Как вы там оказались?

– Очень долго объяснять, – качает головой Эчизен. – Крупное дело, высокие ставки, а Басир был пылок и неосмотрителен. – Он издал смешок. – Тем не менее он-то считает, что Карлу просто нужен был кто-то, кого можно

было отдать на заклятие.

– А вы? – уточняет Рид.

– А я... Ну, скажем так, мы с Карлом решили, что ради того куша, который нам светил, отсидка одного из нас – не самая большая потеря. Естественно, я не хотел проходить через такое, – признается он достаточно легко. – Но зато посмотри, что у меня есть сейчас.

– *Вы с Карлом* решили?

– Ну, конечно, в большей степени так просто получилось. Вариантов тогда было не особо много. Карлу пришлось выбирать, кем пожертвовать, он сбежал с деньгами, а нас с Басиром схватила полиция Руанды.

– И после этого, – не верит Рид, – после того как вы четверть века провели *там*, он приезжает в Джакарту... И вы с ним решаете открыть магазинчик денег? После того как он вас сдал? Что за херня? Вы не похожи на святого, простите уж за каламбур, ваше преосвященство. Да вы должны были первым делом взять Басира под ручку и вместе посадить Гринберга в яму со скорпионами!

– Все не так, как выглядит на первый взгляд, Эйдан. – Эчизен задумчиво чешет локоть. Это его старая привычка, и сейчас Риду начинает казаться, что под рукавом рясы может прятаться огромный уродливый шрам. – Они никогда не были друзьями. Мы с Карлом – да, а у них не сложилось с самого начала. И меня Карл не планировал подставлять.

– Ну да, – зло хмыкает Рид.

– Я приехал в Джакарту практически голым, сойдя с корабля руандийцев. Как ты думаешь, на чьи деньги строилась эта церковь? На чьи деньги я набирал людей? А кто, по-твоему, оплатил операцию, чтобы я снова мог ходить? – Эчизен посмеивается. – Не воображай себе лишнего, мальчик. Карл не предавал меня, а я не предавал его. В любом плане могут быть сбои.

Рид тоже улыбается, вместо того чтобы раздраженно цокнуть языком. Лично он придерживается философии Басира: убить ублюдка, который заставил тебя пройти через ад на земле, – это даже не месть, это восстановление кармической справедливости. Впрочем, раз Эчизен на стороне Гринберга, у Рида нет причин плыть против течения.

– Но ты прав, я сильно рисковал, согласившись на производство в городе Картеля. Тем не менее именно из-за него у меня было и остается самое надежное алиби на всем острове: Басир думает, что я ненавижу Карла точно так же, как и он сам.

Рид качает головой. Он сваливает. Он покивает, будет поддакивать, посочувствует – ай, какая подстава, ай, как вам не повезло – и-и-и на полной скорости... Как будто мало у него своих проблем: за пять тысяч километров отсюда Руссо, наверное, уже слышал новости о террористе, захватившем самолет с помощью зажигалки и неотразимого обаяния. Может быть, уже даже выслал в Индонезию пачку своих ребят. У Рида очень плотный график, Картель в него не влезает.

ет, так жаль, так жаль, давайте как-нибудь в другой раз соберемся.

На следующей неделе? Через пару лет? В прекрасном никогда?

– Когда Картель вышел на него, Карлу пришлось бежать, – продолжает Эчизен, пока не замечая, как от его бывшего ученика уже побежала пунктирная линия в сторону черного хода. – С ними он бы не смог пересечь границу, а с нами у него связаться не получилось – и он пустил их на рынок.

Иисус Христос Наркозвезда, какой же хреновый план. Спросили бы Рида – он специалист по лучшим планам, он бы вам сразу так и сказал: «План – дерьмо дерьма». А еще специалист по лучшим планам вам бы сказал: «Собирайте манатки, прячьте кокаин в фигурки Девы Марии и сваливайте, пока все это не закончилось резней».

В итоге специалист по лучшим планам ничего не говорит. – Как всегда... Безбашенный риск очень в его духе. – Кажется, это эвфемизм, а епископ и сам понимает, что они крупно облажались. – Он покинул страну, не успев передать оттиски нам, и теперь мне приходится носиться по городу вместе со всеми, чтобы заполучить их обратно. Старый маразматик, во имя Господа.

– Как я понимаю, мы наконец переходим к событиям нашего столетия? – вздыхает Рид с ювелирно выверенной ленцой.

– Именно. Лестари, дай этому сыну божьему, пожалуйста,

карту острова. И ручку.

Он говорит это неизменно плавным голосом, однако Рид снова чувствует, как волоски на затылке готовы встать дыбом. Эчизена никто и никогда не смог бы заболтать: он всегда помнит, зачем ты ему нужен. И Рид ему нужен, чтобы...

– Работа, о которой вы говорили, я должен буду рисовать схемы побега от Картеля? – пытается отшутиться он.

– Когда ты только начал работать на меня... – любуясь игрой закатного солнца на витражах, будто бы рассеянно, с ноткой ностальгии говорит епископ, пока Лестари *действительно* кладет перед Ридом карту. Что за приколы? – ... Ты был дерзким и совсем глупым белым пацаном, непонятно как выжившим в трущобах, с твоим-то наглым языком... При нашей первой встрече ты заявил, что... Как там было? Память уже подводит...

Ага, сто раз, с нарастающим раздражением думает Рид. Ты все помнишь до каждой буковки, старый манипулятор. Тем не менее он подыгрывает:

– Я сказал, что буду счастлив войти в сени святого дома, чтобы посвятить свою жизнь Господу.

– Почти, – соглашается епископ. – Правда, звучало это как *«только тронь меня, и я разрежу тебе горло и наосу в него, ты, пидор»*.

Ой, да?

– Это все мой селатанский акцент.

Рид машинально берет в руки ручку и принимается ее

вертеть. Нарастает ощущение, что епископ в своей обычной хитрой манере заманивает его в капкан.

– Хорошее было время, – вздыхает Эчизен, а потом рассеянно взмахивает ладонью, будто пытаясь ухватить какое-то фантомное забытое воспоминание. – А еще ты только и болтал, что о том мальчишке... Как там его звали? Тот, с которым ты вырос?

Ручка в пальцах у Рида дергается и замирает. Капкан издает жесткий, скрежещущий звук, но из него еще есть шанс выбраться, и Рид пытается:

– Ваше преосвященство, вы же меня знаете. Я компанейский парень. У меня этих друзей почти столько же, сколько недругов. – Он щелкает пальцами. – Могу перечислить всех в хронологическом порядке.

– Эйдан.

– Да подождите отказываться!

– Я говорю про конкретного твоего друга, – обманчиво мягко прерывает его епископ. – И ты об этом знаешь.

Конечно, про конкретного, старый ты урод, и Рид понял, что ты понял, что Рид понял. Но знаешь что? Иди к черту. И этот кое-кто конкретный тоже пусть идет к черту. Дудки. Рида ждет лодка до Куала-Лумпура, понятно?

Рид злится и оттого даже не шутит в ответ.

– Видишь ли, в чем дело, Эйдан... Я сказал, что ты очень удачно оказался в городе. – Епископ медленно поднимается с кресла и также медленно обходит стол. – Не только пото-

му, что сейчас дому Господню очень пригодились бы твои таланты, хотя я их и не умаляю. Давай я расскажу с самого начала.

Он останавливается сбоку от Рида, сложив руки за спиной и рассматривая застекленный винтажный сервант, в котором выставлены иконы.

– Оттиски Карл сбыл мелкому дельцу по имени Сиритат Чантара.

Господи, это что, Чопинг? У него есть *нормальное* имя? Вот она, главная новость дня.

– Денег выкупить у Карла оттиски в одиночку у Сиритата не было. Поэтому ему пришлось быстро искать сообщника. И он нашел одного.

Рид тут же проводит связь с предыдущей темой разговора. О, черт. Нет. Нет-нет-нет, только не говорите ему, что этот узкомордый придурок...

– Они договорились продать их «Желтым Тиграм», группировке из Сурабаи. Но сообщник Сиритата обманул и его, и покупателей. Украл оттиски и скрылся.

Черт, вот дегенерат, с глухой злобой думает Рид.

– Это Сиритат рассказал, когда Салим его навестил. Правда, вместе с Салимом его решил навестить и Картель – к сожалению, слухи в этом городе расходятся быстрее, чем Господь карает неугодных. Но в любом случае и мы, и они опоздали. Оттисков у Сиритата уже не было.

Воровать из-под носа у Картеля, ну ты и...

– Поэтому, пожалуйста, Эйдан, – епископ поворачивается к нему лицом и мягко просит: – Отметь на карте все места, где мог лечь на дно твой друг Хитрец Мо, про которого ты так часто травил байки.

Поправочка: Хитрец Мо был его *недругом*, но Рид уверен, что сейчас епископа не интересуют такие нюансы. Да и байки, которые травил про него Рид, носили не однажды-мы-как-то-с-моим-приятелем характер. Скорее их сюжет можно было уложить в предложение: «Ага, Мо снова что-то замышляет, пойдёмте сломаем ему нос».

В общем, может, вступив в Церковь, Рид и трепался о нем – но только в уничижительном ключе, понятно?

Бесполезный кусок безмозглого дерьма. Воровать то, на что охотится Картель, да Рид поверить не может, что этот прыщ решится на такое... Его же теперь убьют.

Сваливай, говорит он себе. Это не твои проблемы.

Твои проблемы, говорит он себе, – это Руссо, который хочет снять твой скаल्प и съесть его с красным вином, а не идиот, который в тринадцать лет чуть не переехал тебя на мопеде.

Отметь на карте то, что они от тебя хотят, говорит он себе, а затем нарисуй поверх огромный член, если хочешь, – и, ради всех святых, *руки в ноги и пошел отсюда*.

Вслух Рид говорит другое:

– А что, если... – почему-то произносит его рот, – если я сам его найду?

Если бы можно было вырубить себя, Рид бы себя вырубил. И отпинал бы по ребрам бесчувственное тело.

– О? – улыбается епископ. – Я-то думал, ты уже успел составить план побега. В конце концов, именно в этом ты хорош... – Он смотрит на него хитро. – Неужели решил задержаться в родных пенатах?

– Я найду его вам, – повторяет Рид упрямо, – окей? Без шуток, ваше преосвященство. И если эти ваши скрижали Завета у него – я их вам верну.

Капкан со скрежетом захлопывается.

Эчизен улыбается – и на этот раз есть в этой улыбке что-то триумфальное. Он молча возвращается к столу, а Лестари помогает ему сесть – в последнее время у старика, видимо, совсем плохо с ногами.

– Очень хорошо, – кивает епископ. – Очень хорошо, Эй-дан. Я верю, что ты сможешь найти Хитреца Мо быстрее, чем Картель. Ты ведь сможешь?

И смотрит на него в упор.

– Ладно, договорились, – говорит Рид так, будто, согласившись, он делает всем одолжение. – Но у меня одно условие.

И он скрещивает руки на груди.

– Церковный шмот я больше не надену.

Глава 3

На следующий день Риду выдают бойскаутский стартер-пак: «Глок», нож и церковный костюмчик. Все казенное, костюмчик новенький, с сияюще-белой, цвета «стрелять-вот-сюда», колораткой, а пистолет – старый и щербатый.

Утро Рид проводит в часовенке на территории церкви, завтракая арахисом с колой, приводя оружие в приличный вид и наблюдая за тем, как Нирмана намылывает шею курьерам, заносящим выручку. То ей не хватает, то ей слишком много, то в следующий раз за тебя башлять никто не будет, щенок, – в общем, Нирмана как была чем-то средним между полным дзенем и праведным насилием, так и остается. В своем строгом сестринском одеянии она всегда выглядела сдержанной и хладнокровной, пока не открывала рот.

Для бешеного преступного калейдоскопа, коим является Джакарта, в ней слишком многое остается неизменным.

Рид прищуривается, беря на мушку вычищенного пистолета фарфоровую голову статуи Девы Марии. Дева Мария угрозы переносит стойчески – вот это яйца, вполне в ее духе. Рид закидывает арахис в рот. Деву Марию загораживает Салим, и при всей гамме спутанных чувств, которые Рид к нему испытывает, пистолет он все же опускает.

– Одевайся, и поехали, – бурчит тот и бросает на скамью

рядом с Ридом пакет.

– Тебе не нравится мое парадно-выходное? – Рид разводит руками: в одной – ствол, в другой – теплая кола, на футболке с принцессой Мулан – шелуха от арахиса. – Я ж говорил: я это не надену. Могу забросить в келью. Будет чем дыры в потолке затыкать.

Кельями зовутся комнаты в католически стилизованном зданьице за церковью. В этой халупе живут ящики с оружием, ростовые холодильники для трупов грешников и перебитая аппаратура из нарколаборатории. Каждая келья готова стать президентским люксом для церковников, нуждающихся в защите Господа. Там вчера вечером Рид повесил себе гамак среди контейнеров с сортированным кокаином и навернулся с него всего дважды.

Он трет поясницу, ощущая фантомную боль, и повторяет:
– В общем, не собираюсь я это надевать и тебе не советую. Последнее, что нам сейчас нужно, – это привлечь лишнее внимание злодейским черным прикидом.

– Как мы все тут жили три года без твоих советов, а? – цыкает Салим. – Поднимай задницу, его преосвященство хочет результатов к обеду.

Это, конечно, проблемка, но Рид виду не подает и хлопает себя по коленям:

– Ну так дадим же их ему!

А потом оказывается, что это даже не самая главная их проблемка. Самая главная проблемка играет в тетрис на кно-

почном мобильном, оперев колени в переднее сиденье.

Они с Салимом стоят на улице под мерзким шипящим солнцем, вместе с ними стоит новенький «Форд», в «Форде» сидит певчий мальчик Андрей.

– Ты серьезно? – Рид оборачивается на Салима, обходящего машину перед капотом. – Он нам зачем?

Андрей поднимает голову и хлопает круглыми светлыми глазами, а потом нелепо улыбается. Рид отвечает ему дежурной улыбкой и поворачивается обратно к Салиму, укладывая локти на крышу авто:

– Нет, правда. Почему ты с ним носишься? Потому что он единственный, кто тебя слушается?

Сколько Рид знал Салима (а это уже... больше десяти лет? У них была годовщина? Какой кошмар!), тот не любил возиться с рекрутами. Его слишком быстро выводил из себя горячий энтузиазм юных доморощенных гангстеров. Но, видимо, повышение в должности накладывает определенные обязательства. Ха, так ему и надо.

– Просто не задавай тупых вопросов и сядь в долбаную машину, – Салим не реагирует на подкол: он все еще старается руководствоваться принципами из песочницы типа «не ешь песок» и «не ссорься с теми, кто глупее тебя».

Выходит у него так себе: еще бы, Рид все усилия прикладывает, чтобы у него выходило так себе.

– Нет, я могу тебя понять, – говорит он в салон, открывая дверцу машины.

В машине Салим неделикатно всовывает ключ в замок зажигания, а Андрей тянется костлявой рукой к магнитоле. Рид продолжает, загружая себя на переднее пассажирское:

– Если бы меня кто-то так же поддерживал, я бы ценил этого человека и никогда бы не отпускал. – А потом вполоборота шепотом признается Андрею: – Пак Салим тебя очень любит.

Нужно будет спросить, зачем Церковь держит этого пацана. Явно не за интеллект, потому что его мозгу требуется секунд пять, чтобы обработать простенькую шуточку. Салим успевает отреагировать быстрее:

– Еще слово – и пак Салим выбросит тебя из машины на ходу.

В общем, они едут.

Список мест, где мог залечь на дно Мо, насчитывает от пяти до бесконечности плюс один. Скользкий сукин сын всегда хотел жить хорошо, но при надобности мог квартировать и в мусорном баке. Рид был уверен: после ядерного апокалипсиса он бы выжил вместе с тараканами. Но начинать все равно стоило с нормальных нычек Мо, а потом уже разгребать помойки. А вот если не повезет, может быть, Андрей им все-таки пригодится.

Препедан все еще огромный, убогий и бедняцкий, и Рид все еще испытывает к нему пограничные чувства: отвращение пополам с дежавю. Часть своего детства он проводит здесь: с того момента, как анонимные доброжелатели, также

известные как работники соцслужб, выгружают его перед вот этой вот автомастерской. Ну, точнее, раньше на ее месте был нищенский детдом, который потом снесли, а Рид остался на улице. А до того как этот детдом снесли, Мо попытался откусить ему ухо прямо на этой лужайке. Так и познакомились.

Красивой Джакарту вообще назвал бы только интурист, смотревший на ее выложенный стеклом и железом центр из окошка экскурсионного автобуса. Жилые районы, особенно те, что приютили не слишком обеспеченную прослойку населения, были какими угодно: шумными, грязными, переполненными, бетонными, желтыми от солнца и круглогодичной тридцатиградусной жары, – но не красивыми.

– Ты, – Салим воинственно тычет пальцем в Андрея, поворачиваясь к нему, – ты сидишь в машине. И не выходишь. Ты меня понял?

Рядом они смотрятся как анекдот: бледный белый двухметровый пацан с наивными глазами и смуглый, чернявый маленький злобный индонезиец.

– Но...

– Не нокай. Ты не выходишь, не идешь купить себе газировки, не бросаешься за лоточником с едой и вообще не высовываешь отсюда носа.

– Кстати, чья это тачка? – подает голос Рид.

– А почему мне нельзя пойти с вами?

– Потому что я так сказал. И потому что ты еще долго

никуда не пойдешь с нами, если продолжишь стрелять себе в ноги, как в прошлый раз.

– Это была случайность! Я не...

– Эй? Чья, говорю, маши...

– Моя! – рывкает Салим. – Я спрашиваю, Андрей, ты меня понял?

Парень картинно кривится, обиженно одергивает сутану и пристально смотрит на руль, но, схватив от Салима подзатыльник, быстренько расписывается в своей понятливости.

– Старательно ты его дрессируешь, – хмыкает Рид, хлопая дверцей. Салим хмуро провожает этот жест взглядом, и Рид спешит сойти на тротуар, чтобы между дверцей и салоном в следующий раз не оказалась его голова. – Кто он? Серб? Украинец? Русский?

– Русский. – Салим обходит машину, еще раз показатель-но строго глядя на Андрея через лобовое стекло. – Только от него и толку, что водить умеет.

– Где падре его подобрал?

– У Старших Сестричек.

Рид стопорится, застывая вполоборота и не отрывая взгляда от Салима.

– У Старших Сестричек? В смысле он...

– В смысле он брат одной из них. Не будь мудаком, а?

– Нет, а что сразу мудаком? Ты говоришь: Сестрички, что я мог подумать? – Он делает большие глаза, но Салим, видимо, уже не хочет продолжать этот разговор, начиная хлопать

по карманам в поисках курева. За три года хоть бы другую марку мог начать курить, что ли.

Но не только Салим и его бессменные сигареты остались такими, как прежде.

С тех пор как Рид побирался на этих улицах, Препедан не поменялся. Здесь бегают дети: все в драных майках, все друг другу братья и сестры, сироты и не сироты, бездомные и те, кому есть где жить. Дома в Препедане в любом случае мало чем отличаются от тех, что сооружают себе бездомные. В одном из таких домов жил Мо с матерью. Дом этот тоже снесли – Препедан все время переваривал сам себя, но ничего путного из этого не выходило.

– Стирай этот припадок ностальгии со своего лица, и пошли, – бурчит Салим.

У Салима никогда не было сердца поэта, так что Рид не удивляется, когда оказывается, что тот остался таким же черствым, как и три года назад.

– Я могу ходить и с припадком ностальгии на лице! Нам туда, – Рид кивает на противоположную сторону улицы.

Там, среди одинаковых домов, спрятался нужный им, с поломанными решетками на окнах и грязной хлипкой дверью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.